

**СЕРГЕЙ
БУЛЫГА**

ПРАВИЛО
ПРАВОЙ РУКИ
(СБОРНИК)

Сергей Алексеевич Булыга

Правило правой руки (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21531620

Правило правой руки: ООО Остеон-Пресс; Ногинск; 2016

ISBN 978-1-5302-9237-0

Аннотация

В сборнике представлены рассказы самых разных направлений фантастики. Это и фэнтези, и мистика, и форестпанк, и научная фантастика, и альтернативная история. События происходят как в далёком, так и в близком прошлом, а также в будущем и в настоящем, в разных странах, на разных континентах и в разных мирах. Есть здесь и весёлые истории, и серьёзные, и грустные, а порой и просто хорор. Но всё, о чём рассказывает Сергей Булыга, – чистая правда. Хоть и фантастическая.

Содержание

Правило правой руки	4
Рассказы	113
Я и все остальные	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сергей Булыга
Правило правой руки
*Сборник фантастических
произведений*

Правило правой руки
повесть

1

Колян сидел на крыльце и плёл лапти. Лапти получались деловые. Хотя, может, это совсем и не лапти. Генерал так и сказал, когда увидел:

– Какие это лапти, дурень, ты никогда лаптей не видел. Настоящие должны скрипеть, когда идёшь, вот это лапти!

Колян не стал с ним спорить. Да и кто это с Генералом спорит? Он же сразу врежет, а рука у него на это набитая. Или, если пьяный, может и заточкой пырнуть, заточка у него всегда с собой, на резинке в рукаве. Вот он какой, Генерал! И говорит, что воевал в Америке. Но врёт, собака. В Америке

он был, ага, на дрезине две недели туда ехал. Байщик как это услышал, смеялся.

– На дрезине! – повторял. – Ой, не могу! А через море на ей как? По дну?

Колян удивился, спросил, при чём здесь море. Байщик перестал смеяться, посмотрел на Коляна так, как только на дерьмо можно смотреть, и сказал:

– При том, что оно там положено, понял?!

Ну, и Колян замолчал, потому что спорить с Байщиком это ещё себе дороже, чем с Генералом. Байщик тебя и пальцем, конечно, не тронет, но зато на весь лес прославит. Байщик – это ого, голова. А говорун какой! Бывает, как пойдёт чесать, так чешет и чешет, хоть до самой ночи. И складно, как песню поёт. Да он как выпьет, и песни горазд. И Генерал его никогда не гнобит, а даже, случается, к нему приходит, они там тогда запираются и, слышно, подолгу разговаривают. Это Генерал с ним советуется. С банкой приходит, конечно, а как же, и со своей закуской. Байщик это любит. Даже очень. Нажрётся, ходит дурной по лесу, орёт. Один раз его санитары чуть не взяли, хорошо, Колян шёл мимо и отбил. Вот тогда Колян и добыл свои первые в жизни лапти – настоящие, санитарские, срезал с того санитаря, начинку выпотрошил и сшил заново. Но не носились они, расплзались. Тогда он их переплёл, они стали хорошо держаться, Милка сказала:

– Во какие лапти!

Так и стали они называться: лапти. Пока не пришёл Генерал и не сделал Коляну указку:

– Не лапти это, понял? Скажи: так точно!

И Колян сказал. А что! С Генералом не поспоришь, а то врежет в рожу. Рожи не жалко, не в роже дело, а просто если Генерал в неё врежет, то Коляна перестанут уважать. Хоть их после всех зарежь, такой народ упрямый. Подумав так, Колян в сердцах дёрнул нитку, она оборвалась. Гнилая, стерва, подумал Колян, а где взять крепкую, идти в деревню? А дырку во лбу не хочешь? Не хочу, конечно. Колян опять рванул и опять оборвал, матюгнулся и отставил лапти, разогнулся, расправил спину и вытянул ноги. Ноги у него были босые. А чего летом обувь таскать? Будет зима, натаскаемся. А вот пожрать было бы неплохо. Колян обернулся на землянку и принялся. Пахло сырыми картохами. Значит, уже почистила, с удовлетворением подумал Колян, свезло ему с Милкой, какая она работающая, ловкая! Картоху они так съедят, а из очистков будет суп. Прикольно! А если Милку поприжать, так она и котлеты сварганит. А что! Колян вчера зверя принёс, Милка его разделала. А теперь давай котлет! И даст, навертит. Он же ей в прошлом году, было дело, заимел бабла, раздухарился, купил мясорубку. Теперь если у них гости, они котлеты делают. На котлеты идут звери. Сами идут, ага! Ты ему: «Бобик, бобик, тяв-тяв!» – и он, дурень, идёт. А ты его за уши и по горлу!

Но это если зверь один. А если их свора, тогда, вон, как

этой весной, загрызли Портного. Совсем загрызли, сволочи, одно тряпьё от него только и осталось, а мослы погрызли на-чисто. И всё равно звери полезные, шкура у них очень добротная, а сами для котлет незаменимые. Эх, надо Милку на котлеты расколоть!

Только Колян так подумал, как из землянки вышла Милка с ведром свежих помоев. Колян ухватил Милку за ногу. Милка молча отбрыкнулась, сошла с крыльца и выплеснула помой на грядку.

– Куда ты так высоко плещешь! – разозлился Колян. – Мне это после сушить!

– Природа высушит, – сказала Милка и вошла обратно в дом, в землянку.

Природа, мать её, в мыслях повторил Колян, разумная у него Милка, не зря Генерал про неё говорил:

– Городская!

А высохнуть, конечно, высохнет и без природы. Солнце высушит, дури прибавит. Дурь – это хорошо. Только один Байщик дурь не курит, бает, будто это вредно. Милка над ним смеётся, говорит:

– Какой разборчивый! Он дурь не курит! А зато бырло так и хлещет, сколько ему ни налей.

Вдруг заболела голова. Вот прямо как клещами сжало. Колян знает, что такое сжать клещами, ему однажды сжимали. Но ладно! Про это зачем? И Колян не стал думать про клещи, а просто взялся руками за голову, с обеих сторон, там,

где уши, и стал ладонями тереть туда-сюда. Так иногда помогало.

Но тут только хуже становилось. Вот же ёкарный бабай, сердито подумал Колян, значит, это не от дури, а это верный знак: кто-то идёт. Колян опустил руки, осмотрелся, после встал во весь рост и опять осмотрелся. Никого пока что видно не было. Колян сунул руку за пояс, к заточке. Заточка была на месте, Коляну сразу стало поспокойней.

И тут он увидел этих. Они вышли из-за ёлки, шли по тропке. От болота! Как они там на самострел не напоролись, сволочи, сердито подумал Колян. И яму, суки, тоже обошли. Ну да сразу видно: мужики бывалые, тёртые, один в камуфляжном френче, второй в ватнике, оба здоровые, мордатые, первый с палкой, второй с вещмешком. Шли и смотрели на Коляна. Тот, который в камуфляже, усмехался. Колян приосанился и сделал шаг вперёд, с крыльца. Мужики сразу остановились, и тот, который в ватнике, полез правой рукой в карман. Пукалка там у него, сразу понял, нет, даже скорее почуял, Колян, и сказал:

– Здорово, мужики! Бог в помощь.

– И тебе, Колян, того же, – сказал камуфляж.

Вот, бляха, знают, как меня зовут, отметил про себя Колян, а вслух ничего не сказал. А камуфляж продолжил:

– Покуда к тебе доберёшься, три раза со смертью встретишься.

А и верно, сердито подумал Колян, все заманухи обошли.

Как так?!

А камуфляж, будто услышал его мысли, сразу же сказал:

– Это Петрович нас про тебя надоумил. И про заманухи тоже.

– Чего это я Петровичу вдруг вспомнился? – спросил Колян.

– Дело у него к тебе, – ответил камуфляж. – Говорит, что тебе это слёгка. Схоронить нас надо, вот что. Надёжно схоронить!

– На ту, что ли, сторону? – спросил Колян.

– Да хоть бы и на ту, – ответил камуфляж.

– Га! – громко сказал Колян. –хлопотное это дело. И небыстрое.

– Так и мы не с пустыми руками. Уважим.

Колян задумался. Смотрел на мужиков и думал. Да только что тут было теперь думать и чего придумывать, если они сюда уже пришли? Кто просил Петровича, скотину эту, их надоумливать? Пырнуть надо Петровича, вот что! Ну да чего теперь! Петрович вон где, а они вот здесь. И Колян, тяжко вздохнув, сказал:

– Чего стоите? Проходите в дом. Поговорим, быть может.

Дом, кстати, был открыт – заслонка с входа ещё утром убрана, а после Милка марлю сдвинула, чтобы удобнее было ходить туда-сюда. Но мужики даже с места не стронулись. Струхнули, сразу было видно, второй даже опять полез за поалкой, а первый, тот, который в камуфляже, усмехнулся

и сказал:

– Чего в такую пору в норе париться? Давай здесь где-нибудь в тенёчке сядем. Петрович говорил, у тебя славный навесик имеется. Возле бани!

От таких слов Колян аж зубами закрипел. Ну, ещё бы! Много этот Петрович стал в последнее время трепать языком, надо ему этот язык укоротить, сердито подумал Колян, но спорить не стал, сказал:

– Ну, можно и так, под навесик. – И ещё спросил: – Как вы с дороги? Брюхи подвело, небось?

– Маленько есть, – ответил камуфляж.

Колян усмехнулся и сказал:

– Сейчас исправим. – Повернулся к дому и окликнул: – Эй!

Из дому (из земляки, из норы) выглянула Милка, увидела гостей, зарумянилась и поправила чёлку. Камуфляж сразу заученно начал:

– Здравия желаем! Тут у нас к вам есть с собой... – и полез в карман, понятно, за гостинцем.

– Э, нет, нет! – поспешно перебил его Колян. – Мы не за это. Мы даром! – И уже спокойнее продолжил: – Мила, сделай мужикам чего-нибудь с дороги. Они аж от Петровича пришли, понятно?

Милка кивнула и скрылась в землянке. Камуфляж спросил вполголоса – и с уважением:

– Твоя баба?

– Моя, – просто ответил Колян. И так же просто прибавил: – Из города.

– О!

Колян на это уже ничего не ответил, а только махнул рукой идти за ним, и повёл мужиков за землянку. Там, не доходя до бани, возле кустов смородины, стоял вкопанный в землю небольшой дощатый стол, а вокруг него три лавочки. А навесик над столом был наполовину поднят.

Да, навесик! Колян очень им гордился. Навесик был с механикой, как сказал Байщик. Это там были верёвочки, за них потянешь – и навесик можно приподнять немного, а можно и опустить, если солнце мешает. А сейчас солнце совсем зашло за облако и не мешало. Но Колян всё равно подошёл, потянул за верёвочку, попробовал и так и сяк, а после закрепил на узел. Камуфляж, глядя на это, только языком прищёлкивал, а ватник важным голосом сказал:

– Жазюли.

Вот дубина, подумал Колян, какие же это жазюли, жазюлей не видал ни разу! Но так только про себя подумалось, а вслух Колян, как всегда, помолчал и только пригласил садиться. Мужики сели. Колян сел напротив. Ватник неловко, наперекосяк, стащил с себя вещмешок и начал его развязывать – так же неловко. Колян смотрел на вещмешок и ждал. Камуфляж тоже молчал. Ватник достал из вещмешка бутылку. С настоящей пробкой, на винте! И ещё там была наклейка – большая, сбоку, на полбутылки. Камуфляж принял от

ватника бутылку, повернул её наклейкой к Колян и гордым голосом велел:

– Читай!

Колян прищурился и нехотя сказал:

– Глаза что-то слезятся сегодня. Не вижу.

Тогда камуфляж прочёл сам:

– «Джин. Америка»! – И, усмехаясь, прибавил: – По-американски написано, ихними буквами, вот оттого и глаза за-слезились, ага!

И он насмешливо хмыкнул. Коляна взяла злость и он задиристо сказал:

– А! Пивали мы и американское! Тут Ге... – и осёкся. Потому что поспешно подумал, что мало ли что это за люди, а он им сразу Генерала сдаст. И, утерев губы, продолжил уже вот что: – Тут один мужик у нас, говорят, был в Америке, там воевал. Ну, и привёз оттуда бырла. Мешок всякого. Мы угощались.

Камуфляж не спорил, промолчал. А ватник тем временем достал стопарики, три штуки, нержавеющей, расставил их перед собой и начал аккуратно наливать. А налил – стал раздавать. Когда Колян брал свой стопарик, камуфляж спросил:

– На чём воевал тот мужик?

– На дрезине, – ответил Колян. – Он рельсы подрывал, стрелки курочил, семафоры бил.

Мужики переглянулись.

– Чё, не верите? – спросил Колян сердитым голосом.

– Верим, верим, – сказал камуфляж. – Мы это про своё.

Ты пей!

– За что?

– Как за что? – удивился камуфляж. – За лес, конечно.

Чтобы не сгорел!

– Типун тебе!

– Вот за это и пьём.

Они выпили. Гадость какая, подумал Колян, на дерьме, что ли, настояно? И даже не стал утираться, до того ему было противно. А ватник уже совал ему закуску – кусок чего-то ноздреватого, пахучего.

– А это что? – опасливо спросил Колян.

– Хлеб, – сказал ватник. – А ты, небось, всё только сухари?

– Нет, почему! – обиделся Колян. – Это здесь сухари. А в городе и хлеб давали. Только белый.

– А это чёрный, – сказал ватник. – Чёрный полезнее. В Америке все америкосы джин только чёрным хлебом закусывают. Житуха там у них!

– И не говори! – подхватил камуфляж.

А Колян промолчал. Он жевал хлеб и думал, что хлеб лучше джина, совсем не дерьмо, дураки америкосы, ничего не понимают.

Ватник тем временем ещё налил. Но только они взялись за стопарики, как тут сразу пришла Милка, остановилась поодаль, упёрла руки в боки и стала пристально смотреть. Не любил Колян это её смотрение! Потому что она что, смот-

рит себе и смотрит, а вот все мужики тогда на неё начинают смотреть как-то очень гадко! В прошлом году один так посмотрел, Колян не выдержал и саданул ему. Хорошо, Петрович под руку толкнул, а то бы он того точно убил. А так только крепко порезал. После два мешка картохи отдавал. Милка выла, голосила:

– Зверь проклятый!

О, звери, и точно, подумал Колян и уже хотел было спросить, будет ли Милка вертеть котлеты...

Как Милка уже сама сказала:

– Может, котлетов сделать? С луком и с грибами.

Колян посмотрел на неё, подумал: обалдела баба, в первый раз их видит, а уже встречает как родных. И засвербило у него в душе, ох, подумал, Милка-Милка, ты своей смертью не помрёшь!

А камуфляж спросил:

– А какие грибы?

– Козлята с сыроежками, – ответила Милка. – Я вчера этих козлят до хренища надёргала.

– Давай козлят!

Милка ушла. Колян принялся. Пахло варёной картохой и солью. И грибами тоже. Но грибами пахло слабо. Не разварились ещё, сволочи, подумал Колян и вспомнил, как его на прошлой неделе пучило от этих же грибов. Или не от этих?

Ватник уже опять налил и подал стопарик. Колян взял. Камуфляж спросил:

– За что пить будем, хозяин?

– А мне откуда знать?! – сказал Колян. – Я вообще не знаю, кто вы такие и зачем пришли, и куда дальше идёте. За что мне тогда пить?

Камуфляж на это усмехнулся, глянул на ватника, тот опустил глаза, и камуфляж ответил:

– Кто мы такие, братан, тебе, может, лучше и не знать. И куда мы от тебя пойдём, тебе тоже будет лучше сразу забыть. А то после придут за нами, начнут спрашивать, бить током, в клещах зажимать... Зачем тебе это?

– А за что они так будут?

– А за то, что мы мост подорвали!

– Где?

– На Микулинской ветке. Возле старой башни. Там, где горячая вода из трубы льётся, знаешь?

– Как не знать!

– Вот там и подорвали. И сразу тикать. А эти за нами увязались. А сверху ещё этот... Вертихвост! Стрелял по нам. Из пулемёта. Геныч, покажи.

Геныч (тот, который в ватнике) подтянул рукав и показал бинт на руке, и немного крови через бинт.

– Чуть ушли, – продолжал камуфляж. – Наискосок и к Петровичу. А уже он надоумил к тебе. А дальше, говорил, ты нас через Сивое болото проведёшь, а там, в Новой зоне, мы и сами схоронимся. У нас там есть хованка. Нам бы только через Сивое, Колян!

– Э-э! – ответил Колян нараспевку. – Дело серьёзное. Братся за такое хлопотно.

– Так ведь не даром же! – с обидой сказал камуфляж. – Геныч, покажи!

Геныч достал из вещмешка тряпицу, развернул. Кусок какой-то, подумал Колян, непонятно! И спросил:

– Что это?

– Тол! – важным голосом ответил Геныч. – Два фунта с гаком.

Колян усмехнулся, спросил:

– Сколько гаку?

Камуфляж подумал и ответил:

– Две бутылки.

– Вот такого же дерьма? – насмешливо спросил Колян и показал на джин.

– Зачем такого? Хлебного! – ответил Геныч.

– Но это после! – сказал камуфляж. – Человек придёт и принесёт. А тол сразу твой.

Колян смотрел на тол и улыбался. Колян давно мечтал сделать что-нибудь значительное, да всё не подворачивался случай, всё ерунда лезла какая-то, а тут вдруг сразу такое! Два фунта толу, ого! Да это, Генерал рассказывал...

И Колян сказал, но как будто не очень уверенно:

– Ну, не знаю, тут надо подумать.

– Вот за думы давайте и выпьем! – сказал камуфляж.

Они подняли стопари и выпили. Чем больше пьёшь, тем

оно мягче, подумал Колян и стал закусывать хлебом. Чёрный хлеб это полезно, думал он, пьёшь себе, пьёшь, а вреда никакого.

А камуфляж уже сказал:

– Ну, а теперь закурим. У нас ещё одна бутылка есть, но это уже после грибов. А перед грибами, Геныч, раздавай!

Геныч опять взял вещмешок. Колян думал, он сейчас достанет городских, на клею скрученных, но Геныч достал кiset с махрой и три листа бумаги. Бумага была с буквами.

– Чё там написано? – спросил Колян.

– Херня всякая, – строго ответил камуфляж.

– Тоже по-американски?

– Нет, по-нашему. Но всё равно херня.

– А ты прочти! – задорно предложил Колян.

– Глаза что-то слезятся. На!

И камуфляж сунул Коляну его лист. Колян согнул лист. Камуфляж сыпнул в него махры.

– У нас есть один мужик, – начал Колян, – сворачивая самокрутку, – так он от таких листов, от запечатанных, торчит! Меняет их один на два, даёт два чистых вместо одного запечатанного и ещё говорит, что буквы курить вредно, они с ядовитой краской.

– Как его звать? – спросил Геныч.

Колян усмехнулся.

– Га! – громко сказал камуфляж. – Я его тоже знаю. Байщик его зовут, вот как. Я с ним вместе сидел. О! Байщик

голова!

– Но сумасшедший, – прибавил Колян.

– Сумасшедший, это да, не спорю, – сказал камуфляж. –

Но голова!

Геныч достал зажигалку, чиркнул. Они закурили. А Колян остался без огня! Но он не стал про это говорить и, продолжая вертеть в руке самокрутку, спросил:

– А зачем вы мост рванули?

– А зачем тебе тол? – сразу же спросил камуфляж.

– Ну, мне... – запутался Колян. – Сменять хотел! Один мужик...

– Тоже Байщик?

– Нет, другой, и ты его точно не знаешь, – уже увереннее продолжал Колян. – Ему много толу надо. Комиссариат хочет рвануть!

– Чего, чего? Комиссариат? – не поверил камуфляж. – Да кто его туда допустит? Это же надо сперва подложить, а там охрана.

– Ну, у мужика есть план, но он его пока не открывает, – ответил Колян. – Рванёт, после расскажет, так он говорит. И ему нужен тол. Много толу!

– А тебе он что взамен даёт?

– Ну! – растерялся Колян, не зная, что и придумать. – Хочу своей бабе туфлики купить. А то что она в галошах да в галошах! Она в городе в туфликах ходила. А после один раз ночью их с неё сняли.

– А она?

– А она одного шилом! Прямо в глаз! А второго по...

– Ясно. И что?

– Не попала второму, вот что! И он с туфликами нырь в кусты и сгинул.

– Какие в городе кусты! – сердито сказал Геныч. – Где ты в городе видел кусты? Может, ещё и деревья?

– Это не в нашем городе! – запальчиво сказал Колян. – Это в Закрытом Центре было! Там есть и кусты, и деревья, и просто трава. Парк называется.

– Парк, да, – подтвердил камуфляж, – бывает такое. И что дальше?

– Ничего. Взял я её без туфликов. Сюда прибились. Теперь вот грибы жарим.

– А дальше что?

Колян посмотрел на тол. Кусок дерьма, только кирпичного, подумал – и сказал:

– А дальше на Новую Зону пойду, вас отведу. Тол, две бутылки и расчёска фабричная, это последняя цена.

– Ну, ты загнул! – сказал Геныч. – Где я расчёску возьму? Зачем она мне? Посмотри!

И он снял шапку. Голова у него была лысая.

– Тогда не поведу, – сказал Колян.

– А маникюр? – вдруг спросил камуфляж.

– Чё, чё? – переспросил Колян.

– Зови свою! – просто сказал камуфляж. – У неё спросим.

Ну!

Колян привстал и крикнул «Эй!», после «Милка!», и опять сел. Когда садился, понял, что джин настоящий – в голове уже крепко шумело.

А Милка не шла! Мужики опять достали по бумажке, стали скручивать. На Коляна уже даже не смотрели, сволочи. Колян сказал:

– Слабоватая у вас трава. Как детская.

– Зато без радиации, – сердито ответил Геныч, закуривая.

– От радиации я... – начал было Колян...

Но спохватился, замолчал, поспешно повернулся и увидел, что к ним идёт Милка. Она была в новом халате – синем, блестящем, с таким же синим пояском и в лёгких санитарских сапогах без голенищ. Попросила срезать – Колян срезал. А что! Ноги у неё фигурные, не волосатые, не то что...

Да! А камуфляж уже сказал:

– О! Хозяйка стола! Геныч, штрафную ей! По самый ободок!

– Нет, нет! – весело сказала Милка. – Я из напёрстков не пью. – И, повернувшись к Коляну, спросила: – Уже нести?

– Неси! – громко сказал Колян. – И скоро!

– Да уж! – сказала Милка. – На тебя глядючи. Больше не пей!

– И меньше тоже, – вставил Геныч.

Колян махнул рукой и сел. Гадкая страна Америка, в сердцах подумал он,пил бы наше, так бы не упился.

Камуфляж сказал:

– Брак – дело сложное. Так маникюр возьмёшь? Вместо расчёски.

Колян не ответил, а просто сидел, смотрел в стол.

Пришла Милка с кастрюлей и с мисками, и ложки тоже принесла.

– Как в ресторане! – сказал Геныч.

Колян молчал. Милка накладывала быстро, ловко, черпак так и мелькал. Коляну досталось три котлеты, мужикам тоже по три. Но у них котлеты были толще, и заметно. Ух, Милка, стерва рыжая, грозно подумал Колян... Но вдруг почувствовал, как Милка наступила ему на ногу – и промолчал. Милка ушла. Геныч нарезал хлеба и долил остатки из бутылки. Камуфляж разрезал ложкой котлету, глянул на начинку, облизнулся и сказал:

– За дам!

И выпил. Колян и Геныч тоже выпили и начали закусывать. Фу, думал Колян, ну и Америка, не джин, а сущее дерьмо, воняет как! После подумал: нет, это не дерьмом воняет, и не джином. Пригляделся...

И точно! Это от их котлет так воняло! И они что, этой вони не чуяли? Колян ещё глянул на них и подумал: нет, не чувят. А у них в котлетах же мутантеры – и у одного, и у второго! Никакие это не козлята, а мутантеры! Вот у Коляна – да, козлята, а у камуфляжа мутантеры! И у Геныча такие же! А они их жрут как сахар, и им хоть бы хны! Колян насупил-

ся, перестал есть и взялся за стопарик.

– Сейчас, сейчас! – бодро сказал камуфляж, достал из вещмешка ещё одну бутылку и разлил по стопкам. Только когда Коляну наливал, спросил: – Может, тебе половину? А то твоя...

– Нет, нет! – трезвым голосом сказал Колян. – Плещи!

Камуфляж плеснул. Колян поднял стопарик и почувствовал, что он же теперь трезвый как стекло. Га! Ну ещё бы! Эти же сейчас подохнут! Вот прямо здесь, за столом! Зачем их Милка обкормила? А они чего не чуяли? Загадка это!

Камуфляж сказал:

– За наше дело, общее! За Новую Зону!

И полез чокаться. Чокнулись, выпили. Они опять стали закусывать. Жрали мутантеры – и хоть бы хны! Только за ушами треск стоял! Колян смотрел на них и ничего не понимал. А они уже съели котлеты, камуфляж смачно рыгнул и утёрся. Геныч сказал:

– А закурить?

Камуфляж взял вещмешок...

И тут Колян вдруг сказал:

– О! А моего испытать не желаете?

– Это радиации дымнуть? – насмешливо спросил камуфляж.

– Зачем радиации? – сказал Колян, вроде даже как обидавшись. – Мы радиацию выпариваем, а после приходит мужик со специальной машинкой и мерит.

– И что? – спросил Геныч.

– Не щёлкает, – сказал Колян.

– Как это так? – спросил камуфляж недоверчиво. – Это вы что, тяжёлые металлы, говоришь, выпариваете, и после счётчик Гейгера их не регистрирует?

– Ну, – сказал Колян, усмехаясь, – я не Байщик, я таких кудрявых слов не знаю, а табачок мой не щёлкает. А та моя жаровня – у меня в светлице, в доме. Могу показать.

Мужики переглянулись, помолчали, и уже только после этого камуфляж сказал без особой охоты:

– Ну, покажи, если так. Поглядим!

Колян встал первым, мужики за ним, и Колян повёл их обратно. Шёл и сам себе приказывал, что надо что-то говорить, нельзя идти молча. Но не говорилось! Так они и подошли к землянке – молча. Землянка стояла открытая, заслонка лежала в стороне, марля сдвинута к самому краю, и прямо, через вход, была сама землянка – темнотища полная. Но это так только сверху казалось, а на самом деле дальше, за сенями, в светлице, всё было совсем по-другому. Там и вправду было светло, потому что там посередине потолка было встроено здоровенное стеклянное окно и через него шёл сверху, с неба, свет. На ночь окно, конечно, закрывалось. Колян лазал наверх и задвигал специальную заслонку – щит. А на зиму ставил ещё один щит, это уже для крепости, от снега, и зимой в доме было действительно темновато. Зато летом, днём, всегда светло, а иногда даже с солнцем. Байщик любил хо-

дить к Колян у в светлицу, останавливалс там всегда посе-
редине и говорил с уважением:

– Ну, ты, Колян, прямо хобет, очень у тебя в норе уютно.
Ну, хобет и есть!

Так Коляна и прозвали Хобетом...

А эти смотрели вниз, на чёрные сени, и даже и не думали
туда спускаться.

– Вы чего это? – спросил Колян.

– Давай, ты первый, – сказал камуфляж.

Колян пожал плечами и полез в землянку. Спустился в
сени, отступил в сторонку, выглянул наружу и сказал:

– Ну а теперь чего? – а после повернулся к кухне, крик-
нул: – Милка! Неси свет! Не слышишь?

– Слышу! Слышу! – ответила Милка.

Но сама не подошла! Колян завёл руку за спину и на
ощупь открыл шкафчик с инструментами. А мужики уже по-
лезли к нему вниз. Первым спустился Геныч.

– Прямо! – сказал ему Колян. – Где свет, туда.

Геныч пошёл на свет. Следом за ним спустился камуфляж.

– И ты туда! – сказал ему Колян.

– Чего это я перед тобой?! – сказал камуфляж. – Западло
в чужое первым заходить, – и даже отступил на шаг.

Но было поздно – Колян уже выдернул ломик из шкаф-
чика и саданул им камуфляжу прямо в лоб! И тут же по-
вернулся – и в затылок Генычу! Геныч хрюкнул и упал че-
рез порог в светлицу. Колян кинулся к нему и врезал ещё

раз и ещё! Голова у Геныча разбилась и раскатилась по полу. Колян повернулся к камуфляжу, камуфляж ещё стоял, но тоже был уже без головы, из шеи у него торчали провода, штыри какие-то, шлейфы и всякая другая хрень. Колян ещё раз рубанул – по хрени! Камуфляж захрипел и упал. Колян отбросил ломик, матюгнулся, переступил через камуфляжа, после через Геныча, вошёл в светлицу и там ещё раз матюгнулся – уже трехэтажно, забористо. После помолчал немного и окликнул:

– Милка!

В светлицу вошла Милка. Переступая через мужиков, поморщилась. Хотя каких, блин, мужиков, когда это роберты, гневно подумал Колян, не люди поганые, крошить их мало, тол им в глотку!

– Коля, – сказала Милка, глядя на него, – какой ты бледный. Ты волнуешься?

– Нет, блин, я радуюсь! – гневно ответил Колян. – Чего ты, мымра, сразу не предупредила, кто это такие?!

– А когда мне было предупреждать?! – сказала Милка. – Вы же сразу сели бырло жрать. А я смотрю: да это же не люди!

– А если люди были бы?!

– Тогда б они мутантеров не жрали, – резонно ответила Милка. – Я так и подумала: если заметят, ой, скажу, мужики, извиняйте. А так чего? Так роберты.

И она наклонилась над Генычем. Геныч лежал без головы

и у него из нутра, из дырки от шеи, слышались какие-то голоса, но очень тихие.

– О, тварь! – сказал Колян. – Без головы, а докладывает!

– Нет, – сказала Милка, – это его спрашивают, допроситься не могут.

Она отступила к камуфляжу, склонилась над ним, прислушалась и с удовлетворением сказала:

– Этот тихий.

– Тихий, ага! – сказал Колян. – А может, он сейчас по ультразвуку докладывает, кто его знает!

– По чему, чему? – спросила Милка.

– По ультразвуку, – повторил Колян. – Байщик рассказывал. Есть такие звуки, говорит, человеческое ухо их не слышит, а роберты пожалуйста. И доложили санитарам! И они на вертихвост, и к нам! И повязали!

– Коля! – испуганно сказала Милка. – Что нам делать? Прилетят же сюда, сволочи! В город вернут!

– Хрен им, а не город! – грозно воскликнул Колян. – Но беречься надо. – Посмотрел на робертов, подумал и сказал: – В общем, так. Горячки пороть мы не будем. Ты их сволоки в кладовку, пустыми мешками прикроешь, пускай там пока полежат. Может, кто на запчасти возьмёт. Да, и свинцовую гирьку поставь с ними рядом. Гирька сигналы глючит. Так... А я скорым ходом к Генералу. На совет.

– Коля, и я с тобой!

– Нет, не паникуй! Уйдём оба, всё разграбят, сволочи! Мо-

жет, я уже думал, это Петрович их нарочно к нам подослал, чтобы мы их грохнули, а после тиканули... А он всё пограбит, пока нас здесь не будет.

Милка молчала, слушала. Деловая она баба, битая, с теплом подумал Колян, какое она нужное ему подспорье в жизни, даже и не говори. Вот бы...

Но нет! Колян не стал отвлекаться, сказал:

– Там, возле бани, на лавке, лежит кирпич в тряпице. Это тол. Его под баню перепрячь. А остальные вещички в кладовку. И я пошёл! Совсем нет времени! Вернусь, сразу первым делом...

Но не сказал, что именно. Да Милка его и так, и без слов поняла, и глаза у неё заблестели. Колян потрепал её за ухо, усмехнулся, подмигнул – и скорым ходом вышел вон, во двор. А там, мимо грядок с самосадом, резко свернул к болоту. И пропал в кустах.

2

Колян шёл быстро, не разбирая дороги. Очень он тогда спешил. Ещё бы! До Генерала же довольно далеко, часа три ходу, не меньше. И это если пофартит и пойдёшь напрямик. А так, по безопасности, ещё час накрутится как пить дать, вот Колян и торопился. Поэтому он только после, уже в овраге спохватился, что нужно было взять с собой бутылку, она же, та вторая, оставалась ещё почти полная. И вещмешок тоже

надо было бы проверить, прошмонать как следует, вдруг там и третья бутылка лежит, и что-нибудь ещё, тоже полезное. У них же, у этих долбанных робертов, чего только не найдёшь, случилось. Да и Генерал стал бы куда сговорчивее, мягче, если к нему придти не с пустыми руками. Вон когда в прошлый раз Колян принёс настольные часы, как Генерал тогда обрадовался, говорил, что по часам никогда не опоздаешь, а можно совершенно точно рассчитывать время и назначать ход операции. Колян засмеялся и сказал, что ну и что, что точно. А то, сердито сказал Генерал, профукали мы в прошлый раз вражескую дрезину и разрушили весь замысел, а так я её теперь засеку по часам, по минутам, во сколько она точно проезжает, и вставим под рельс когда надо! Ну, или скрутим секунда в секунду. И, может, он и прав, думал Колян, идя по тропинке, может, и вовремя, а вот про «скрутим» он погорячился. Отстаёт от жизни старикан! Это только раньше роберты крепили рельсы гайками, гайку скрутил – и порядок, а теперь стали приваривать их, гады, и сейчас их только толком и возьмёшь!

Но рельсы это мелочи, а вот, как мечтал Колян, собраться бы крепкой бригадой да завалить в деревню и рвануть там комиссариат – вот это было бы дело! Настоящее! Вспомнив про комиссариат, Колян невольно усмехнулся, но тут же опять стал серьёзным и по привычке подумал, что это ещё нескорое дело и лучше про него пока помалкивать, особенно при Милке. Милка если бы услышала про комиссариат,

сразу стала бы кудахтать, что куда ты лезешь, тебе что, больше других надо, и так далее. Нервная она, тут ничего не скажешь. Бывает, по ночам не спит, сидит, смотрит в угол, вздыхает. Колян знает, отчего это – не только оттого, что он такой горячий, она так больше для отмазки говорит, а тут главное другое: она по городу шибко скучает. Всякое она про него рассказывает: и что там и кормёжка даром, и жильё тёплое, нехилое, и будет амнистия, если придёшь со всем своим и сдашься. Скажет про «сдашься» – и смотрит, и ждёт.

Ну, отвечает в таких случаях Колян, мы с тобой, наверное, в очень разных городах сидели. В том, в котором сидел я, там тебя держат в тесной конуре, ещё тесней нашей землянки, и вонючей, и никуда наружу не пускают, а на целый день к лавке привязывают, чтобы лишний раз не вставал, а на прогулку водят так: в соседний кабинет, и там опять к лавке привяжут, но уже к другой, и в глаз какую-то лампу нацеливают, а после как её засветят – ничего не видишь, слепнешь. И ещё дрыгаешься весь, а они только смеются, говорят: это мы тебя насквозь просвечиваем, чтобы знать, чем ты дышишь, скотина. После отведут обратно и опять привяжут. И вертухай под дверь, и решётка на окне.

Но всё равно Колян оттуда убежал, из того города, из той больнички. А Байщик, говорят, целых три раза бегал. Ну, Байщику же до всего есть дело, суётся куда ни попадя, вот его и хватают. А он бежит. В прошлый раз из простынёй верёвку свил и с шестнадцатого этажа спустился. Бежали за ним с

собаками...

Да, спохватился Колян, собаки! Это же такие звери, подкрадутся – не заметишь, как! Раньше их было мало, а ещё раньше, при прежней жизни, их не было совсем. Колян не верил, говорил, чем же тогда люди кормились, когда здесь собак не было?! Так, говорил Байщик, при прежней жизни было просто: пришёл на склад, дал фант, тебе за него дали продуктов. А фанты откуда, спрашивал Колян. С работы, их на работе выдавали, отвечал Байщик. Э, говорил насмешливо Колян, тогда чего хорошего в той вашей прежней жизни, если тогда была работа? Так она и сейчас у тебя есть, говорил Байщик. Нет, говорил Колян, я не работаю, я делаю, и для себя. А работать – это для кого-то, это быть чьим-то рабом, поэтому чем так работать, лучше подорваться. Байщик на такие слова только руками отмахивался.

А Генерал говорил, что Байщик гонит, раньше никто не работал, все служили. А после была война. Профукали войну! С кем война, спрашивал Колян. Ну, с этими, уклончиво отвечал Генерал, с вероятным противником. С Америкой, что ли, спрашивал Колян. Да нет, отвечал Генерал, мы вместе с Америкой профукали. И с остальными всеми: с китайцами и прочей шабулдой-мулдой. Все вместе в козий пух! Навалились на нас эти роберты! И санитары с комиссарами, язвы их душу, и теперь мы ведём против них народно-освободительную войну, имеющую ярко выраженный партизанский характер. Понял? Повтори! А то дам заточкой! Колян

повторял. Вот какой этот Генерал – сумасшедший, но справедливый. Если вдруг что, Колян ходил только к нему, как и сейчас идёт. Подумав так, Колян осмотрелся. Кругом был густой лес и никаких нигде следов. Только кое-где были видны (если, конечно, знать, куда смотреть) заломы. Чужой не заметит! Раньше, рассказывал Байщик, при прежней жизни, такой глухомани здесь не было. Везде был город. Ну, или полугород. Тропки везде, столбы со светом, ящики со жратвой и бухлом. Ага! Подошёл, сунул в дырку жетон – тебе котлета вывалилась. Сунул другой жетон – стаканчик бухла. Жетоны в городе давали. Каждое утро приходишь на одно место, тебе выдают.

А после прилетели эти гады, и всё пропало. Но, говорил Байщик, даже уже при них, при робертах, первое время кое-что в глухих местах ещё работало. По их недосмотру, конечно. Вот как сейчас там, возле подорванного моста на Микулинской ветке, прямо из каменной стены течёт горячая вода. А раньше там был сладкий чай. И дорожки были, жёлтым песочком посыпанные, и столбы со светом, и самокрутки фабричные, их так и называли: фабрички. А после санитары начали летать на вертихвостах и сверху какой-то гадостью опрыскивать – и стало всё пропадать, разваливаться, скукоживаться, ржаветь, и за одно лето развалилось. А после ещё прошла зима, а когда после неё снег стаял, трава сразу взялась как сумасшедшая, кусты скопом везде полезли. А эти опять на вертихвосты, и давай поливать, но уже другой

гадостью, и заросло всё к едреней матери, как будто ничего здесь никогда и не было. Так говорят. Потому что сам Колян уже ничего такого из прежней жизни не видел, по крайней мере не помнит. Только помнит, как мать ему давным-давно рассказывала, что она его в глубоком каменном колодце родила, на стекловате, а после, когда колодец развалили, она переселилась в тёплую кирпичную трубу, тоже подземную, и там они ту его первую в жизни зиму перезимовали. А после, сразу же весной, опять пришли роберты и уже всё то, где что по их недосмотру оставалось, они из ручных переносных пырсколок начисто дочистили. Или дезактивировали, как Байщик выражается. Вот! Нигде теперь ничего не увидишь. Ну, только кое-где железки из земли торчат или что-нибудь ещё, но это очень редко. А остальное кругом лес. Очень густой! Ну, и через лес, в точно выверенных направлениях, по директирисам (это уже Генерал говорит), или попросту, по рельсам, дрезины ездят, смотрят за порядком, а сверху вертихвосты смотрят за дрезинами. Ну, и за нами тоже, это они обязательно, очень сердито подумал Колян, эх, зря не взял фугаску! Может, как раз сегодня был бы подходящий случай. Ему же давно уже хотелось приманить на себя вертихвост, и когда он опустится пониже, запулить ему в форточку фугаску и посмотреть, как рванёт. А что! Генерал говорил, что уже были подобные случаи. А Колян чем хуже? Да вот забыл фугаску! Какая досада, блин!

И только он так подумал, как сверху раздался мощный ро-

кот. Это летел дежурный ветрихвост, у них у всех такие рокоты. Колян сразу шуганул с тропы и затаился под ёлкой. Вертихвост рокотал прямо сверху. Значит, почуял, сердито подумал Колян. У них же, у гадов, рассказывал Байщик, есть такие специальные лампы, они ими лес сверху просвечивают, и если есть где что живое, ещё тёплое, лампа это сразу чует и начинает гудеть. А через ёлку эти их хитроумные лампы почему-то просветить не могут. Тогда вертихвосты спускаются ниже, чтобы лучше просветить. А ты им тут фугаску в форточку бэмц! Но, правда, они очень редко спускаются. Генерал говорил, что это у них по должностной инструкции запрещено спускаться ниже пятидесяти метров, а на пятьдесят метров фугаску запустить проблемно, Колян пробовал. На тридцать пять запросто, на сорок ещё кое-как, а на пятьдесят кишка тонка. Но, говорил Генерал, если бежишь по полю и упал в канаву, они тогда спускаются и ниже, потому что тебя видно хорошо и как бы нет скрытой опасности. Но могут и из пулемёта косануть на упреждение, а уже только после спуститься, и это хреновый вариант, Милка с ума сойдёт.

Вдруг рокот начал удаляться. Колян осторожно выглянул из-под ёлки и ничего, конечно, не увидел. Ещё бы! В такой чаще! Если бы была фугаска, подумал Колян, можно было бы попробовать залезть на ёлку, но не на самый её верх, конечно, и подождать, вдруг вертихвост решит вернуться. А так чего лезть? Да и вертихвост ушёл, рокот уже почти совсем

затих. Колян вернулся на тропу и двинулся дальше. Двинулся, а не пошёл, вот это правильно, вот какая там была чащоба, что никакой ходьбы, а только двиганье. А раньше, Байщик говорил, и Генерал с ним не спорил, тут летом вдоль дорожек стояли железные лавочки, все жёлтой краской крашенные, и на них сидели бабы, все как на подбор молодые, ядрёные, и, нога за ногу закинувши, курили фабрички. А мужики...

Опять раздался рокот. Совсем близко! Да что они, гады, издеваются?! Колян кинулся в кусты. И очень даже вовремя, потому что рокот рокотал уже прямо над самой его головой. Это вертихвост над ним завис, а он же теперь не под ёлкой! Очень хреновая примета, между прочим, это они его, наверное, засекли, пробили лампой через кусты, сволочи, и сейчас сбросят верёвку, по верёвке слезут санитары с автоматами и начнут прочёсывать местность. От них, гадов, очень трудно скрыться, они же все в специальных очках и у них нюх как у собак, нет, даже ещё круче. И, что ещё хуже, если у них сейчас приказ не брать живым, тогда они будут стрелять сразу на полное поражение, в голову.

Р-р-р! Рокот просто обалденный! Даже не слышишь, о чём думаешь! Ну, и фиг с ним! Что будет, то будет! Колян кинулся бежать. Лес там был очень густой, конечно, и опять еловый, но всё равно же небо было видно. Значит, думал Колян на бегу, так же и им с неба видно, правда, не везде, земля. И его шапка видна тоже! Дурацкая, с красным помпоном,

Милка пришила, дура, для красы. Колян сбросил шапку и прибавил бегу, хотя какой там бег в таких кустах?! А вертикаль что! Ему в воздухе просторно, и он летел себе следом. Даже, правильной, висел точно над Коляном, Колян бежал, выбивался из сил, а санитары, падла, сверху, небось, потешались, покуривали фабрички и через зубы сплёвывали.

Колян сильно запыхался. Старый он стал, что ли, со злостью подумал Колян, совсем как холёный стал, как городской, городские все холёные, резать их надо всех подряд, планету продали за пайку и за три затяжки, как говорит Генерал. Он никогда пленных не брал и, говорит, брать не будет. И слово держит – не берёт, а если кто к нему и попадается сдуру, он всегда только одно приказывает: «К сосне!». И подводят к сосне. У неё же, не то что у ёлки, ствол снизу чистенький, без веток. Вот к этому стволу поставят, Генерал всегда сам выйдет (другим это никогда не поручает) и выстрелит. Сволочи, конечно, городские, да и деревенские не лучше, но, говорил Колян, зачем расстреливать, лучше бы он их перевербовывал. Глядишь, какая-то польза от них бы была. А так только обувь и одежда. И то не все это брали. Генерал тогда кричал:

– Знаю, падла, все вы моей смерти ждёте! А вот не дождётесь! Застрелю!

Но не застреливал. А потом, как успокоится, объяснял сердитым голосом, что не стрелял потому, что экономит патроны, нет лишних, даже на врагов их не хватает, не то что на

своих. Вот какой у нас бардак и вот какое тупое наше высшее начальство в генеральном штабе, прибавлял он очень злобно и уходил к себе.

Что такое генеральный штаб, никто не знал, а у Генерала спрашивать боялись.

Колян остановился. Сердце прыгало уже почти между зубами, вот как Колян тогда выбился и теперь стоял, разинув рот, и никак не мог отдышаться.

А вертихвост продолжал рокотать – сперва прямо над его головой, а после начал понемногу сдвигаться в сторону. Колян сел на землю. Дышалось очень тяжело. Куда это он забежал, незнакомые какие-то места, только бы не под лесничество. У егерей у всех лицензии, им разрешён любой отстрел, это совсем хреново. Зато хорошо то, что вертихвост рокошет всё дальше и дальше. А вот и совсем улетел! Колян встал и, утираясь, подумал, что с вертихвоста его, может, и не видели, а просто делали плановый облёт, а он случайно с ним совпал.

А вот теперь они распались! Подумав так, Колян повеселел и опять стал осматриваться. Ага, вскоре подумал он, не так уже и сильно он отбежал в сторону. Теперь надо просто забирать левой, и через пару кэмэ он выйдет на свою тропу. Колян пошёл лесом, по тропке. Он эту тропку знал не очень, это тропка была Байщикова. Да и лес вокруг был Байщиков, правда, он его наполовину задолжал Петровичу. Но, может, ещё выкупит обратно, время ещё есть, да и Байщик мужик

ловкий, языкастый, значит, выкупит. Думая подобным образом, Колян прошёл ещё немного, выбрался из чащи на поляну, поляна, оказалась немалая, заросшая высокой и густой травой...

И вдруг впереди, в траве, что-то мелькнуло! И исчезло! Колян замер, даже задержал дыхание...

И, шагах в полусотне, не меньше, увидел спину и затылок Байщика. Потом Байщик опять исчез. Чего это он там, с удивлением подумал Колян, грибы, что ли, собирает? Или, как Милка, цветы? Колян усмехнулся. А Байщик опять показался из травы и осмотрелся. Но он осматривался в другую сторону, да и Колян вовремя присел, поэтому Байщик пока ничего не заметил и опять пригнулся. И там, рядом с ним, что-то звякнуло. Ого, подумал Колян и потянулся к поясу, к заточке. А Байщик из травы пока что не показывался. Трава была высокая, по грудь, и очень густая. Такой травы, все говорили, при прежней жизни не росло, тогда трава была низкая и это считалось очень хорошо, а если где вырастала высокая, её сразу выдёргивали или обстригали специальными косилками. Байщик сам рассказывал, что у него была такая, подключишь её к проводам, она наберётся току, мигает красной лампочкой – и после только успевай косить. А здесь что Байщик делает? Не косит ведь! Колян пригнулся и пошёл вперёд, осторожно раздвигая перед собой траву. Трава чуть слышно шуршала. Колян старался не дышать, потому что если с непривычки надышишься травного духа, то потом

начинаются всякие глюки: чудится разная дрянь, хуже чем после бухла. Вот какая здесь трава! А отцветёт – и нормальная, можно даже в суп бросать для запаха, Милка так и делает, бросает.

Впереди вдруг опять что-тобрякнуло. Колян застыл, не двигался.

– Мать твою! – сердито сказал Байщик где-то совсем рядом.

Колян резко шагнул вперёд. Байщик отскочил в сторону. Колян кинулся к нему. Байщик опять отскочил, но рук перед собой не выставил, чтобы прикрыться, а наоборот прижимал их к себе, к животу.

А живот был оттопырен! Точнее, сама одёжка на нём оттопырена. Под одёжкой было явно что-то спрятано, напихано за пазуху. Байщик смотрел на Коляна, молчал. Байщик был очень насторожен. Старики, они почти что все сейчас такие, подумал Колян, глядя на Байщика, а Байщик, конечно, старик, ему уже давно под пятьдесят, не меньше, он ещё при прежней жизни был старше чем Колян сейчас. И дезертировал, говорил Генерал, когда сильно напивался, и кричал, что я тебя, Ванька, должен застрелить, ты присягу нарушил, скотина, товарищей предал, воткнул нам в спину нож. Байщик в ответ на такие слова только усмеялся, потому что все же знали, что Байщик раньше служил шифровальщиком, допрашивал шпионов, и сам, если было нужно, ходил, куда пошлют, и там шпионил, рисковал головой. И никогда не дрей-

фил! И с шестнадцатого этажа от санитаров убежал, они по нему из пулемёта строчили, а он не дрейфил.

А тут вдруг, глядя на Коляна, Байщик дрейфил, это было сразу видно. Белый был, глазки выпучил, губы развесил и прижимал руки к запазухе. А что за пазухой? Колян так и спросил – по-простому:

– Что там у тебя?

– Банки, – ответил Байщик.

– Какие?

Байщик достал одну и показал в своих руках. Это была тушёнка. Говяжья, полкилошная. Во, бляха-муха!

– Где взял? – спросил Колян.

– В траве, – ответил Байщик.

– Как это в траве?

– А вот так, – просто ответил Байщик. – Искать надо уметь.

– Чё-то я ни разу не умел! – насмешливо сказал Колян.

– Твои проблемы, – сказал Байщик. – А я вон сколько нашёл, – и похлопал себя по запазухе.

Там были банки. Может, до десятка. Колян невольно почесал затылок. Байщик усмехнулся и сказал:

– В траве они валяются. Надо хорошо искать.

Байщик отвернулся от Коляна, отступил немного в сторону и почти сразу сказал:

– О, и ещё одна!

И показал, где именно. Колян быстро ступил туда и в са-

мом деле увидел валявшуюся на земле консерву. Колян схватил её, сунул за пазуху, осмотрелся, ступил дальше, раз отогнул траву, второй раз, третий – и нашёл ещё одну консерву. И её тоже сунул за пазуху, круто развернулся и стал смотреть уже в другой стороне, при этом думая: вот подфартило же, ух, Милка будет рада, говядина – это не зверь, а это вообще...

И осёкся. Обернулся на Байщика. Байщик смотрел на Коляна и улыбался. Колян сердито хмыкнул. Байщик ещё шире усмехнулся и спросил:

– Чего не ищешь?

– Я что, совсем отмороженный?! – сказал Колян. – Хочешь, чтобы я поверил, что консервы на земле растут?

– А где? – спросил Байщик.

– В городе! – сказал Колян очень сердитым голосом. – На фабрике! У меня один корифан там горбатился, после рассказывал, как их там делают. Привозят эту говядину прямо в дрезинах, в бочках, а они уже, на фабрике, раскладывают её по банкам. И запечатывают. Вот здесь, возле крышки, и сверху клеят наклейки, и на склад. Так или нет?

– Ну, примерно так, – сказал Байщик. – А что?

– А со склада как они сюда попали?

– Это ты у меня, что ли, спрашиваешь? – спросил Байщик.

– Нет! – злобно ответил Колян. – Это я у Генерала буду спрашивать! А он скажет, чтобы ты ответил!

– Э! – сказал Байщик. – А при чём здесь Генерал?

– А при чём здесь банки? – уже опять насмешливо спросил Колян.

– Ну, как при чём, – сказал Байщик. – При том, что они здесь валяются.

– А кто их сюда набросал? И откуда?

– А я почём знаю?!

– Вот так Генералу и ответишь!

Байщик помолчал, подумал, а после сказал:

– Ну и что дальше? Ну, поставит Генерал меня к сосне, и что? Какая тебе с этого польза?

– А тебе какая?!

– А я никакой пользы не ищу, – равнодушным голосом ответил Байщик. – Генерал будет спрашивать, а я скажу, что ничего не знаю. И он меня пристрелит. А ты, если такой правильный, чего банки за пазуху суёшь? Иди, отнеси их Генералу, пусть он устроит проверку, что там у них внутри и каковы они на вкус, и много ли в них калорий, и каких.

– Много чего? – спросил Колян.

– Калорий, это значит, витаминов, – охотно ответил Байщик.

Колян задумался. И в самом деле, думал он, чего это он вдруг так разорался? Сперва надо разобраться, что к чему, а уже после орать и расстреливать, как учит Генерал. И Колян сказал уже не так сердито:

– Ладно! Закурить найдётся?

– Думаю, что да, – ответил Байщик и начал искать по кар-

манам.

А Колян уже присел на землю, на бугор. Байщик достал кисет, сел рядом. Колян смотрел на руки Байщика. Руки достали два листа бумаги, оба чистые, без букв, и один протянули Колян. Колян взял лист, согнул. Байщик насыпал на лист махры. Колян скрутил, а потом перегнул козью ногу. Байщик дал огня, Колян прикурил, затянулся и спросил:

– А что такое коза?

– Это корова, только маленькая, – ответил Байщик. – Из них ещё сыр делают.

– А, – сказал задумчиво Колян и глубоко затянулся. А после ещё спросил: – А вот ты тогда, когда с шестнадцатого этажа тикал, где ты столько простынёй набрал, чтобы их до самой земли хватило?

– Так я из кладовки тикал, там у них склад, у сестры-хозяйки, – не спеша объяснил Байщик. – И не с шестнадцатого я тикал, а только с шестого. Не знаю, кто такое вам наплёл, что будто шестнадцатый. Зачем с мне с такой верхотуры корячиться? Там ветер сильный, начал бы раскачивать, бил бы об стену. Зачем? С шестого намного удобней.

– А из пулемётов по тебе тогда стреляли?

– Каких пулемётов?! Нет у них никаких пулемётов. Ты ещё скажи: из пушек, с бронепоезда. Бластеры у них, из бластеров стреляли. Вот здесь локоть сильно обожгли. Месяц после заживало.

– А бронепоезд, это что?

– Это такая мощная дрезина, на десять вагонов, непробиваемых, и в каждом вагоне по десять окон, окна тоже все непробиваемые, и в каждом окне снайпер. Что такое снайпер, знаешь?

– Знаю, – ответил Колян, усмехаясь. – Не забыл ещё. – И вдруг спросил: – А почему мы им войну профукали? У нас что, снайперов не хватало? Или бронепоездов? Или ещё чего?

– Да всего вроде хватало, – сказал Байщик. – Я так думаю, ума у нас только не хватило, вот чего.

– Они что, разве умней нас?

– Да не умней! А мы дурнее, вот что! – уже досадливо ответил Байщик. – Нас же как всегда учили? Что пришельцы – это существа разумные, они и вести себя будут разумно, гуманно. Со смыслом! А они, оказывается, вон чего. – Байщик посмотрел на Коляна, усмехнулся и продолжил: – И ничего удивительного в этом нет. Не парадокс это, совсем не парадокс! Ведь мы же тоже для кого-то будем в своё время пришельцами, инопланетянами, а мы что, умные? Или добрые? Вот взять тебя, Колян. Ты добрый?

– Зато умный! – сердито ответил Колян. И сразу продолжил уже так: – Когда я сюда шёл, вертихвост пролетал. А после я смотрю: ты банки собираешь. Значит, это с вертихвоста тебе скинули. Значит, ты нас им сдал за эти банки. Значит, тебя надо убить!

– Тогда чего не убиваешь? – спросил Байщик.

Колян ещё раз затынулся, отбросил дымящийся окурок и сказал:

– Это не моя работа. Это Генерала спрашивай. А что?! – громко сказал Колян. – Разве не так? Разве банки не с вертихвоста здесь сбросили?

– Ну, с вертихвоста, – сказал Байщик.

– Вот! – радостно воскликнул Колян. – Как я и говорил! Ты нас ещё раз сдал! Как тогда, когда ещё война была.

– Ну, про тогда, когда была война, сейчас не будем говорить, – спокойным голосом ответил Байщик, – а про сейчас скажу: да, это банки с вертихвоста. Но я никого не сдавал.

– А как они тогда здесь оказались?

– А я вышел на середину поляны, руки поднял и начал махать. Они меня заметили, зависли, а после открыли снизу люк и стали сбрасывать мне банки.

– И не стреляли?

– Нет. Зачем? Я же от них не прятался. Я вышел и махал руками, значит, я не сумасшедший, я готов к контакту, они так это понимают. И бросают мне за это банки. Рефлекс во мне так вырабатывают.

– Что?

– Прикармливают как бы, вот что. Чтобы стал ручным. Ну, и я корчусь под ручного. Руками машу, зубы скалю. А они мне за это сверху банки. Паритет.

Что такое паритет, Колян спрашивать не стал, надоело спрашивать. Колян просто смотрел на Байщика и думал. По-

сле спросил:

– И часто они так тебя прикармливают?

– Ну, не очень, – сказал Байщик. – Эти ещё только в третий раз. Эти с этой машины. Раз в неделю они сюда прилетают, а я выхожу на поляну и машу руками. И они кидают банки.

– А дальше будет что?

– А дальше, на четвёртый раз, они попробуют выйти на близкий контакт. Это они полезут вниз ко мне, на верёвке. И если я начну тикать, они могут и пристрелить.

– А зачем ты им пристреленный?

– А зачем я им живой? Им только мой мозг нужен. Поэтому, если пристрелят, они меня сразу льдом обложат, чтобы не протух, и отвезут в больничку, отдадут в лабораторию и там проведут томографию мозга.

– Чего-чего? – не выдержал Колян.

– Мозг мой просветят, вот что! И посмотрят, есть ли в нём какие изменения от их консервов.

– А какие должны быть изменения?

– Мозг должен разжижиться, вот что, и тогда они смогут лепить его заново так, как им надо. Городского из меня будут лепить, вот что!

– Так эти банки с дурью, да? – опасливо спросил Колян.

– А ты как думал?!

– Зачем тогда их подбирать?

– А чтобы жрать! И лопухом закусывать.

– Зачем лопухом?

– Чтобы обезвредить ихнюю дрянь, и чтобы мозги не разжижались.

– И не разжижаются?

– А ты на меня посмотри. Я их с весны жру, уже четвёртый вертихвост, и ничего.

– И никому не говоришь?

– А кто поверит?

– Ну, в общем, да, – задумчиво сказал Колян. – Я и сейчас не верю. Кучеряво это как-то всё.

– Вот то-то же!

Колян ещё подумал и спросил:

– И что, так каждый вертихвост банки сбрасывает?

– Нет, конечно, – сказал Байщик, – не каждый, а только который с красной полосой. Этот называется санитарный. А ещё бывают с синей полосой, с зелёной. Самый хреновый это с синей, это у них патрульный. Эти могут сразу косануть, на поражение. Ну а с зелёной, это егеря, эти уже как когда – когда стреляют, а когда, если спешат куда-нибудь, тогда летят мимо и даже не смотрят.

– Откуда ты всё это знаешь? – недоверчиво спросил Колян.

– Читать надо уметь! – сердито сказал Байщик. – А вы всю бумагу скурили.

– Ладно тебе! – махнул рукой Колян. – Так я уши и развешил. Что, хочешь сказать, в бумажках так и пишется, к како-

му вертихвосту выходить, а к какому нет? Зачем они будут это чужим раскрывать?

– Это не они раскрывают, – сказал Байщик.

– А кто?

– Ну, мало ли.

– Темнишь ты, Байщик, ой, темнишь! – насмешливо сказал Колян.

– Какой я тебе Байщик?! – разозлился Байщик. – У меня имя есть! И отчество!

– Отчество! – насмешливо сказал Колян. – А звание?

– Младший сержант. Запаса.

– О, в это верю!

– Да, я всего младший сержант! – со злостью повторил Байщик. – Ну и что? А Генерал, когда ему надо что-нибудь толковое, приходит ко мне!

– Га! Это верно! – подхватил Колян. – Вот я ему про банки расскажу, и он опять к тебе придёт. С вопросами!

– А ты что, сейчас к Генералу собрался?

– Да нет! С чего ты это взял! – быстро сказал Колян.

– А куда тогда? – не унимался Байщик.

– Ну, по делам, – уклончиво сказал Колян. – А тебе какое дело?

– Простое, – сказал Байщик. – Если ты сейчас домой, то я тебе ещё консервов дам, чтобы ты Милке отнёс. А если к Генералу... То я не только ничего не дам, но и ещё бы посоветовал тебе свои консервы спрятать. А то Генерал, сам это

знаешь, такой, что мало ли что ему может в голову втемяшиться. Вдруг он подумает, что ты ихний шпион? Или, ещё хуже, ихний провокатор?

– А я скажу, что банки от тебя! – с вызовом сказал Колян.

– А я скажу, что я тебя сегодня и в глаза не видел! – с не меньшим вызовом ответил Байщик. – Ты на меня гонишь, я скажу! За картошку! За те два мешка, которые я присудил...

– И поклянёшься?! – перебил его Колян.

– Поклянусь! А как же! – сказал Байщик. – Вот прямо сейчас клянусь всей своей прежней жизнью, что никаких консервов я не видел, и вертихвоста тоже, а иду, скажу, смотрю, а ты в траве копаешься. И говоришь, что это санитары с вертихвоста тебе сбросили.

– А у тебя твои банки откуда?!

– Так ты же их кинул! Со страху! И побежал к Генералу на меня стучать. И вот Генерал, – продолжал, уже откровенно усмехаясь, Байщик, – и вот Генерал нас приведёт к себе в секретку, нас обоих, и начнёт допрашивать. Как думаешь, кому он больше веры даст, мне, своему боевому товарищу, или тебе?

Колян помолчал, подумал, а потом вполголоса и с расстановкой сказал:

– Ну и скотина же ты, Иван Данилович.

– О! – весело воскликнул Байщик. – Вот ты и отчество моё припомнил.

– Я тебе ещё не то припомню, – очень недобрый голосом

пообещал Колян.

Но Байщик этого как будто не расслышал, а продолжал своё:

– А если бы ты шёл домой, Колян, я бы тебе ещё консервов дал. Милка будет рада. И не такая она дура, чтобы после на меня стучать. Унесёт на кухню, спрячет в шкафчик и будет молчать как могила героя. А ты дурак, круглый дурак, Колян! Смешно на тебя смотреть.

– Смешно, так смейся.

– Не могу. Я человек гуманный.

– Чего-чего?

– Ну, не такой гад, как некоторые.

Колян опять помолчал, ощупал банки у себя за пазухой и сказал задумчиво:

– А что, если Генералу рассказать, издалека, конечно, что будто есть, так люди говорят, вот такой способ с вертихвостом. Может, тогда Генерал...

– Га! Га-га-га! – громко засмеялся Байщик. – И ты что? Можешь всерьёз себе представить, как наш Генерал, боевой, между прочим, стратег, вдруг выскочит в поле и будет там перед кем-то руки вверх поднимать? Чтобы ему за это подачку скинули?! Да он лучше всю свою оставшуюся жизнь будет собственным дерьмом питаться, чем на такое пойдёт. Это только мы с тобой...

И тут Байщик замолчал, потому что Колян вдруг весь перекосялся и быстро потянулся за заточкой.

– Ладно, ладно, – сказал Байщик примирительно. – Сумасшедшие вы все. Ни с кем нельзя нормально переговорить, сразу за ножи хватаетесь.

Сказав это, Байщик неспешно встал, поправил консервы за пазухой и как ни в чём не бывало закончил:

– Ну, всё, у меня дела. Да и ты же тоже, я так думаю, не просто так здесь прошвыривался. А теперь давай, до скорого!

Он развернулся и пошёл. И скрылся в кустах. Колян ещё немного посидел, а после тоже встал, тяжело вздохнул и пошёл дальше – к Генералу. Сначала он шёл просто, ни о чём не думая, а после не выдержал, остановился и подумал, что ведь Байщик прав, потому что и в самом деле чёрт его знает, что Генерал про банки скажет, лучше не рисковать. Колян вытащил банки из-за пазухи и уже даже примерился бросить их в кусты...

Но почти сразу передумал и, сойдя с тропки, неглубоко, но довольно надёжно закопал их в земле, в приметном месте, опять вышел на тропку, оставил условный знак, чтобы на обратном пути было легко искать, – и снова пошёл дальше, к Генералу, но уже без всяких, как подумалось, улик.

3

Идти до Генерала оставалось ещё порядочно, а время было уже далеко за полдень, часов, может, пять или шесть. В

городе, тут же подумал Колян, всё строго по часам, даже по минутам расписано, а тут какие часы, тут совсем другие понятия: утро, день, вечер, ночь. Ну, или тепло, холодно. А там сразу: температура повышается! И сразу команда: включайте кондишен! А здесь ты просто говоришь: что-то стало парить, открой, Милка, дверь. А она: «Сам открой!». Городские, они все такие, потому что привыкли всяким скотам подчиняться, а зато уже здесь, как попадут на волю, отводят душу на таких как мы, Байщик в эту тему говорил...

О! И вдруг Колян подумал, что а почему это он не стал спрашивать у Байщика про робертов, почём попёрся к Генералу? Байщик же умный и знает больше, и сам Генерал, когда ему надо о чём-нибудь серьёзном подумать, всегда зовёт Байщика. Это когда думать не надо, когда просто ставь к сосне, тогда он Байщика не ищет, а зато как только начинает завариваться настоящее, серьёзное дело, тогда сразу дайте ему Байщика! Ну а тут, подумал Колян, разве у него не серьёзное дело? Серьёзное! И ещё какое: на двух робертов! Вот и рассказал бы Байщику, Байщик покумекал бы и, глядишь, чего-нибудь да подсказал. Но почему-то не стало ему говориться. Наверное, из-за того, что какой-то скользкий этот Байщик, всё время сам себе на уме, Генерал говорит, что он с Байщиком ни за что в разведку не пошёл бы. А с тобой, он сказал, с удовольствием пошёл, потому что ты кремень, Колян. Так и сказал, при всех!

И вот теперь Колян идёт к Генералу, потому что Генерал

такого о нём мнения. Хотя, если честно, что такое его мнение? Да он... Да вот, например, если прямо сейчас вдруг всплывёт про консервы, то Генерал ему сразу...

А что сразу? А что консервы?! Колян что, их брал? Да он их в землю закопал! И это, опять же, Байщик их ему подсунул – провокатор! Байщик, он такой! Он с комиссарами снюхался, это как пить дать Генерал, Колян сам слышал, говорил про это. Может, добавлял при этом Генерал, Байщик вообще двойной агент. Но, тут же подумал Колян, чего тогда Генерал с ним совещаться не боится? Значит никакой Байщик не агент, а просто Генерал на него валит, чтобы тот не поднимался, не входил в силу, не расшатывал бы Генерала. Да только Байщику это сто лет не надо: сидит себе тихо, бумажки читает, или если пасть раскроет и пойдёт чесать, тогда сразу про всё забывает, к стакану за весь вечер не приронется. Петрович говорит...

О, и ещё Петрович, сердито подумал Колян, перепрыгивая через канаву, а ведь с Петровича всё началось, это же он его робертам сдал со всеми потрохами – и с тропкой, и с самострелами, и с ямой, гад! Заточку ему в бок за это!

Хотя, тут же подумал Колян, а как сдал? Сам по себе, что ли, за просто так? Зачем ему это? С какого-такого бодуна? Или они его, как это у них называется, принудили? Попросту, помучили и раскололи. А мучить они мастаки, эти роберты! Могут бить током, а могут по нужным местам, или просто ставят на растяжку и капают холодным кислородом.

Или, Колян даже хмыкнул, или совсем наоборот, с ним так однажды было: садят за стол и давай угощать, наливать, со-
вать фабрички в зубы, а то и девок приведут, а девки у них
как все на подбор, ядрёные, а...

Да! Одним словом, очень трудно устоять. И, может, так и
Петровича не устояли, и он не сдюжил, сдал Коляна. Ну а
за ним и остальных – весь их Генеральский отряд! Так что
то, что роберты пришли к Коляну, так Колян – это только
их первая ласточка, а скоро и всех остальных загребут. Как
в прошлом году накрыли весь так называемый Пошивочный
отряд, то есть в один день и одну ночь всех тех, кто жил по
ту сторону Горбатого карьера, похватали и забрали в город.
После, когда всё затихло, Байщик и Шофёр ходили посмот-
реть, что там после пошивочников осталось, может, можно
будет что-то подобрать, но не нашли ничего. Зато их самих
высмотрели – и накинулись на них тамошние дикие собаки,
ну, просто звери, и Байщик ничего, отбил, а Шофёру всю
руку по локоть изгрызли, сволочи, Шофёр сильно заболел,
рука стала гноиться, и Байщик ему сказал: тебе надо идти
сдаваться, иначе подохнешь. Шофёр сомневался. Тогда Ге-
нерал сказал: иди! И Шофёр ушёл. Все думали, ушёл с кон-
цами.

А нет! Весной пришёл обратно. Помолодевший, румяный.
Вот только вся рука, конечно, правая, в шрамах, а один па-
лец на ней, указательный, конечно, почти не сгибается, на
курок уже не нажимает. А так, опять же, ничего, здоров Шо-

фёр, и всё остальное очень даже хорошо. Он же ещё принёс с собой полную котомку провизии, литровую банку керосина, кусок толу и набор гаечных ключей – очень красивых, блестящих, сказал, что хромированные. Все удивлялись, спрашивали, зачем ему эти ключи, а он улыбался и отвечал, что по привычке взял, что у него такие раньше были. Ну, Шофёр и есть шофёр. Генерал ему так и сказал: лучше бы ты по привычке аккумулятор приволок. Да, конечно, ответил Шофёр, про него я как-то не подумал, жаль. А про бабу, спросил Генерал. И тут все сразу засмеялись. Ведь же Шофёр вернулся не один, а он привёл с собой бабу. Баба сказала, что она радистка. О, сказал на это Генерал, радисты нам нужны, особенно зимой, теперь ты, Шофёр, зимой в мороз не пропадёшь. И засмеялся. И все засмеялись.

А что зимой? И что бабы? Зимой, если они правильно считали, Милке придёт срок рожать. Когда ей станет совсем невозможно, они пойдут к Генералу, и Генерал скажет: пусть идёт в деревню. Обычно рожают в деревне. Но если тяжёлый случай, тогда идут на рельсы. С рельсов дрезина забирает в город. Колян говорил Генералу: зачем мы своих детей гадам отдаём?! Генерал на это отвечал: не отдаём, а временно внедряем. Вот тебя тоже когда-то внедрили, а ты после, пришёл срок, ушёл от них к нам. Так и твоё дитя уйдёт оттуда, если вы его правильно делали. А если неправильно, то сами виноваты.

И вот зимой Милка пойдёт в деревню. Если они это ле-

то ещё переживут. Колян поморщился, прибавил шагу, идти было уже совсем недалеко. Но надо идти осторожно, тут же подумал Колян, это ерунда, что далеко зашёл и здесь всё кругом наше, проверенное, потому что это самое проверенное, любил повторять Генерал, как раз чаще всего и предаёт. Предатели кругом, он говорил, особенно когда был выпивший, никому верить нельзя, он прибавлял. Но и ему самому, если так, тоже, получается, нельзя, потому что он тоже из всех. Тем более а что! Запрётся, говорят, в секретке, и радио чуть слышно слушает. У него там радио за сундуком стоит, старой шинелью прикрытое. Шофёр усмехался, говорил, что раньше по радио всякую дрянь рассказывали, дурили мозги, вербовали предателей, так что, может, и его уже давно завербовали. Вот что говорил Шофёр с усмешечкой после того, как вернулся из города. Гад! Или гад не он, а Генерал? Ну как же это так! Колян так и сказал: да он же генерал! Ну и что, сказал Шофёр, и генералы тоже предают. Колян не поверил, пошёл к Байщику, и тот сказал, что такое бывает, но редко. А наш Генерал, спросил Колян. Про нашего я ничего не знаю, сказал Байщик, да и самого себя предать, это ему зачем? Коляна это успокоило.

А вот сейчас вдруг опять зацепило! И Колян уже было подумал...

Но тут же спохватился, потому что вдруг увидел, что он уже почти пришёл, то есть совсем близко подошёл к землянке Генерала.

Да, генеральская землянка – это знатно! Это ничего не видно, ну, совсем. Будешь стоять над ней и не знать, что прямо под тобой землянка. Вот такая маскировка! Генерал ею очень гордится. Да и нутро там тоже очень знаменитое. Крыша в пять накатов брёвен, брёвна все дубовые, морёные, без сучьев, по крайней мере так говорит Генерал. Ну, и дальше тоже сильно. Нигде никаких окон! Темнотища просто адская, как говорит Байщик. Ад – это...

Ладно, про ад как-нибудь после, отдельно. А землянка там, конечно, здоровенная, ходов, отходов, переходов, нор всяких, отнорков не меряно. И всё, опять же, без света. Ну, свет, в принципе, есть, проведён, но очень редко включается. Для света нужен керосин, и много керосина, не то что Шофёр принёс банку. Что та банка! Пока Шофёра встречали, закусывали, всю его банку и сожгли. Байщик говорил, что низкий капэдэ. Может, и низкий, может, даже капэдэ, рассеяно подумал Колян, останавливаясь возле замаскированного люка. На люке стояла зацепка, случайно зацепил её – и сразу пуля в лоб. Бесшумная! Но Колян зацепку не цеплял, а опустил руку на землю, на маскировочные листья, и пощупал. Подумал: да, верно, немного дрожит. Это, значит, что внизу работает движок, у Генерала совещаловка или приём важных гостей, если движок включили. Потому что движок – это свет, свет – это керосин, а керосин – это проблемы. Хотя Байщик говорил, что на фига нам керосин, сколько можно от комиссаров зависеть, надо осваивать свои, альтернатив-

ные (так, кажется) источники. Какие, умник, усмехался Генерал. А вот хоть поле распахать, говорил Байщик, и посадить на нём культурные растения, чтобы потом из них... Ага, чтобы с вертихвоста сразу было видно, не стал дальше слушать Генерал, демаскировку предлагаешь, падла! А к сосне не хочешь? Ну, говорил тогда Байщик, не хотите пахать поле, можно и в деревне брать, на их полях. Генерал опять начал смеяться и сказал, что это тоже не годится, потому что нельзя настраивать против себя местное население, оно и так не очень нас долюбливает, а тут ещё поля начнём у них шерстить. А...

Х-ха! Это кто-то сзади, очень быстро, схватил Коляна за голову и отогнул её назад! Приставил к горлу нож! И провёл немного, для острастки. Колян почувствовал, как брызнула кровь, но несильно. А головы было не повернуть. Руками не дёрнуть. И ногами тоже самое. Крепко взяли сволочи, сердито подумал Колян, опозорился, противно как! И попросил:

– Братан! Ты чего? Отпусти! Я же свой.

Тот, кто держал его, молчал. Колян ещё сказал:

– Братан! Я к Генералу! По делу. Хобетом меня зовут. Я, спросите у него, имею сюда право. Да и дело у меня пресрочное, братан!

Тот, который держал его сзади, только тяжело дышал и продолжал держать Коляна крепко-крепко. Голова у Коляна была задрана вверх, он видел только верхушки ёлок и небо. Небо было чистое, без облаков.

– Братан! – опять сказал Колян. – Хобет я, Чуркин муж, я срочно, по мокрому делу.

– По мокрому? – переспросил тот, задний.

– По нему! По нему! – поспешно подтвердил Колян и хотел было двинуть головой, как ему опять чирикнули по горлу, но, правда, опять несильно. Колян затаился.

– Ладно, – сказал задний. И вдруг сразу прибавил: – Морду в землю!

И в самом деле ткнул Коляна лицом в листья. И прижал! Сразу стало тяжело дышать. Зато Колян услышал, как тот, задний гад, сказал кому-то из своих:

– Иди, скажи ему. И быстро!

Заскрипели петли, это открывался люк, потом кто-то завозился – это он лез по скобам вниз – потом стало тихо. Колян шевельнулся.

– Лежать, падла! – грозно сказал задний. – Не то грохну!

Колян опять затаился. Дышать было очень тяжело, но он терпел. И ещё думал: что это за сволочи такие пришли к Генералу, Моргальские, наверное, больше некому. Моргальские большие сволочи, от них всего можно ждать. Вот даже сейчас нарочно переврут, перекосячат: скажут Генералу, что тут пришёл один, грозился мокрым делом, чего с ним теперь делать? И Генерал по горячке ответит: как чего, привести в исполнение, и точка! И эти приведут! А Генерал... Что Генерал! Если уже успел нажраться, так и скажет: исполнять! И ещё даже прикрикнет: чего стоите и не исполняете, вам что,

дополнительная команда требуется?! Пьян же! Чего ждать с пьяного! Да он...

Нет, тут же подумал, Колян, спохватившись, Генерал не из таких, он даже если очень пьян, всё равно никогда никому не перепоручает исполнение, а исполняет только сам, у него такая фишка, как называет это Байщик, и поэтому если Генерал даже решит привести Коляна к исполнению, то сперва сам выйдет из землянки – и тут Колян ему всё и расскажет! И Генерал тогда этим Моргальским...

А дальше Колян подумать не успел, потому что снова закрипели петли, открылся люк, а после уже другой, но тоже чужой голос приказал:

– Хобет, давай вставай! Иди к Генералу, докладывать!

Колян осторожно шевельнулся и почувствовал, что его уже никто не держит. Тогда Колян поднял голову и сел. Рядом с ним сидели двое. Люди как люди, подумал Колян, одеты как простые деревенские. Но тут же присмотрелся и уже подумал, что рожи-то у них городские. Или даже, может, это совсем роберты. А что! Кто их теперь разберёт, пока не рубанёшь по кумполу. Но тут пока нечем рубить, да и они настороже, это сразу чувлось. Колян сердито усмехнулся.

– Иди, – сказал ему один из этих полугородских. – Что сидишь? Генерал ждать не любит.

Ну, это ясно, подумал Колян, это они его ещё раз, на всякий случай, проверяют. Но вида не подал, полез. То есть осторожно опустил руки на землю, на люк, нашупал в дёр-

не задвижку и отодвинул её, после открыл люк, поставил его на ступор и только уже после этого полез. А полугородские смотрели на него, очень внимательно. И как только Колян спустился ниже уровня земли, они сразу выбили ступор, и люк мягко упал, захлопнулся. Стало совсем темно. Суки какие, подумал Колян, это Моргальские, конечно, – и теперь уже только на ощупь, ничего не видя, полез дальше. Правда, там было уже совсем недалеко – ещё всего шесть скоб. После них Колян привычно прыгнул на пол. Пол там был простой, земляной. Генерал сердился, говорил, что это вам не санаторий, а боевой объект, чего здесь захотели, досок? Может, вам ещё паркету настелить? И кефиру поднести?! С лимоном!

Но это так говорилось, для смеха. Все и без этих слов прекрасно понимали, что военный объект есть военный объект, а не парфюмерный киоск. Подумав так, Колян развернулся и шагнул вперёд, нащупал жестяную дверь, повернул в ней ручку и вошёл. Там, за той дверью, тоже была темнотища кромешная. Колян расставил руки и ощупал стены. Здесь они были из жердей. Так же и пол, и потолок, по прежним разам знал Колян, здесь тоже были жердяные. И это, как говорил Генерал, здесь не ради красоты, а для повышенной надёжности. И тут же, тоже для надёжности и безопасности, на четвёртом шагу справа иногда горела электрическая лампочка. Свету от неё было немного, но зато он придавал солидности – городской, конторской. Или штабной, как любил

говорить Генерал.

Только сейчас все эти заморочки были совершенно без разницы, потому что лампа не горела. Зато дальше точно будет свет, тут же подумал Колян, потому что он теперь ещё сильнее чувствовал, что всё вокруг немного подрагивает. Колян знал, что это за дрожание такое – это работал так называемый дизель-движок, от которого и получался свет. Байщик объяснял, как это получается, Колян это раз десять слышал, но ничего не запомнил. Да и зачем запоминать?! Это только забивать голову всякой дрянью, сердито говорил Генерал, от этих знаний ничего нам не прибавится. Но, правда, это ещё как сказать, тут же подумал Колян, вспомнив про консервы, знал бы про это Генерал, так не смеялся бы над Байщиком, а, может, отдал бы приказ...

Но тут Колян, не успев додумать, ткнулся руками в дверь. Эта, вторая дверь, конечно же, закрытая, на ощупь казалась деревянной, но на самом деле, Колян это тоже знал, была из железа и только снаружи обшита фанерой. Колян пощупал по этой двери, а после рядом с ней нашупал потайную пипочку и надавил на неё. За дверью послышался негромкий перезвон, а после опять стало тихо. А ещё из-за двери слегка тянуло табаком. А Генерал некурящий, подумал Колян, курево, говорил Генерал, главный предмет демаскировки. И ведь верно!

Но тут в двери вдруг что-то щёлкнуло, Колян сразу толкнул дверь, она на удивление легко отрылась.

И Колян сразу зажмурился – так там было светло. Ну, может, не так и светло, сколько непривычно после темноты. Колян постоял с закрытыми глазами, после ещё пощурился, и только уже после этого стал смотреть на свет.

Свет по-прежнему был очень ярким и слепил. Свет был над самым столом, над банками. А по обеим сторонам от банок были видны две головы – одна Генералова, а вторая, Колян её сразу узнал, была голова Моргалы. Моргало сидел боком к свету и покуривал. А Генерал, а он держал в руке стакан, поднял этот стакан ещё выше и стал через него смотреть на Коляна. Колян смутился и сказал:

– Дело у меня серьёзное. Я двоих пришил. Сегодня.

– За что? Кто такие? – спросил Генерал.

Он уже убрал стакан и теперь прямо смотрел на Коляна. Да Колян и так сразу всё понял. И сказал:

– Не понравились они мне. Незнакомые, с оружием. Ну, я их и грохнул. Не звал я их к себе! А они вдруг вон куда прошли! Я же их уже возле запруды встретил. Ну, и стали разговаривать, они стали мне нести, что заблудились.

– Так, может, они это и вправду так, – улыбаясь, сказал Генерал.

– А как они тогда меня узнали? А то сразу говорят: Колян! А как твоя Милка, Колян?!

– Га! – засмеялся Генерал. – Вот ты их за что! За Милку!

– Да что Милка! – махнул рукой Колян. – Они же роберты, зачем им бабы.

Генерал сразу помрачнел и уже вполне серьёзным голосом спросил:

– Откуда знаешь, что роберты?

– Так я им головы поотбивал! – сказал Колян. – И из них сразу провода полезли.

– О! – сердито сказал Генерал и посмотрел на Моргалу. Моргало кивнул. Генерал опять повернулся к Колян и сказал:

– Удивляюсь я на тебя, Хобет. Какое же это мокрое дело, если это были роберты? Роберты не в счёт, ты что, не знаешь?!

Колян молчал.

– Роберты – не человеки, – медленно, по складам продолжал Генерал. – Вот если бы ты санитар грохнул, тогда да, тогда мокруха. А так только зря шумишь. Стыдно мне за тебя, понял? Перед гостями стыдно. Подумают: каких я сверчков к себе в отряд беру. Очень стыдно это, понял?!

Колян кивнул, что понял. Он-то понял, подумал Колян, а вот Моргало ничего не понял. Генерал же стакан поднимал и через него смотрел! Поэтому Колян и нёс пургу, оттого что так было приказано, а настоящий разговор будет потом, когда Моргало со своими свалит. А пока Колян молчал.

– Ладно, – сказал Генерал, усмехаясь, а он был, видно, крепко выпивший. – Завтра за это ответишь. А пока...

И он опять посмотрел на Моргалу. Моргало опять кивнул.

– В ногах правды не бывает, – продолжил Генерал. – Да и

Виктор Леонардович у нас в гостях сегодня, и он не против. Так что садись, Хобет, лови момент, отведай городских даров. Опять же Виктор Леонардович с товарищами постарался. Подломил курьерский. Так, Витёк?

Моргало, он же Виктор Леонардович, он же Витёк, хищно усмехнулся, кивнул и затаился фабричкой. А Генерал уже сердито приказал:

– Садись!

Колян подошёл к столу. Генерал указал пальцем, куда надо садиться – в дальний угол, к сундуку. Говорили, подумал Колян, что за сундуком стоит, прикрытое шинелью, радио. Смешно! Тогда всякий мог бы руку протянуть и проверить. Значит, радио в другом, в надёжном месте спрятано, и это правильно.

– Садись! – строго напомнил Генерал.

Колян сел. И только теперь, когда Колян оказался ниже света, он увидел, что на столе стоят консервы – говяжьих, как и с вертихвоста! Ну, и горючка, конечно, была на столе, Генерал ничего кроме неё не пьёт, и ещё были сухарики с перцем, остаток круга колбасы, с полдюжины крашенных яиц, кое-где уже облупленных, и соль в жестяной крышке, и, наверное, что-то ещё, чего Колян просто не успел ещё заметить. Но главное, это, конечно, консервы. Одни стояли ещё целые, а другие были уже вскрытые, початые. Початых было пять. Зачем им двоим столько, подумал Колян. И ещё окурки на столе, здоровенные окурки, между прочим. И просто рассыпан-

ный табак. Но и опять консервы! С верхтихвоста такие бросали, с точно такой же этикеткой. А Моргалo говорит, что они брали курьерский. А как же! Колянy стало смешно, он даже чуть не засмеялся.

– Чего пялишься? Бери! – уже очень сердито сказал Генерал. – А не хочешь жрать, так и скажи, я денщику отдам.

– Кому? – переспросил Колян, садясь.

– Денщику, у меня раньше был денщик, – ответил Генерал. – Это когда я в Америке служил, когда там была война. И этот мой денщик был индеец, вот как! Значит, из Индии. А жил в Америке.

Говоря это, Генерал стал наливать горячку в стоявшую перед Коляном кружку и при этом ещё показал на кувшин. В кувшине, Колян знал, была запивка – простая вода. Налив Колянy, Генерал повернулся к Моргалe. Но Моргалo закрыл свою кружку рукой.

– А! – с досадой сказал Генерал. – Не тот нынче народ пошёл. Вот даже ты, Виктор Леонардович, закрываться начал. А раньше всегда был открытая душа.

И он опять повернулся к Колянy. Колян выпил горячку и стал поспешно запивать её водой. Внутри всё горело. При прежней жизни, рассказывал Байщик, никто чистую горячку не пил, а её ещё на специальном заводе разводили чистой хлорированной водой, подкрашивали чаем и добавляли сахар по вкусу.

– Чего консерву не берёшь? – спросил Генерал. – Или что,

думаешь, я тебе отраву подсунул?

Колян взял одну вскрытую банку, оторвал от неё крышку, согнул и зачерпнул ею немного, подумал, что с одного раза большой беды не будет, и начал осторожно пробовать. Вкусная была зараза, ничего не скажешь, не то что собачатина вонючая, с досадой подумал Колян. И ещё сразу подумалось: а эти городские суки каждый день могут такое жрать, и жрут, между прочим, и разбавленной горючкой запивают, жиреют идохнут. Вот так! Бог, как Байщик говорит, порядок держит. А мы пьём берёзовую брагу, или даже мухоморовку, и ничего, живём. И вертихвост нас её берёт. А робертам по кумполу, по кумполу! Когда Генерал крепко напьётся, он тогда срывает с себя кепи (а у него кепи, а не кепка, со значком), бросает её об пол и кричит: они все капитулировали, падлы, а он нет! Обычно это означает, что банкет пора сворачивать.

А тут Генерал ничего не кричал, а очень даже смиренно, необычно тихо для себя сидел и время от времени внимательно поглядывал на Коляна. А Колян, уже опомнившись, отвернулся от своей консервы и смотрел на Генерала.

И вдруг Моргалo сказал:

– Так ты, Колян, говоришь, что они к тебе пришли и уже сразу знали, как тебя звать?

– Нет, – осторожно ответил Колян, – это не они ко мне пришли, а это я их засёк. Я тогда вышел силки проверять, я на собак их ставлю. И вот иду и вдруг вижу: а вот эти сидят! Ну, и я тогда...

– Ладно! – сердито перебил его Генерал. – Самое обычное здесь дело, если спокойно разобраться. Их, этих робертов, с верхтихвоста тебе скинули, а ты занервничал. А что называли по имени, так это сколько же у них стукачей по больничкам! Вот кто-то на тебя и стукнул. Ведь так? – И, не дав Коляну ответить, уже сразу продолжал: – Но ты лучше нам вот что скажи. Тут Виктор Леонардович к нам же по делу прибыл, а не просто чтобы тебе консервов приволочь. Есть у него одна задумка завалить одно местечко, а проходов туда он не знает. А ты в прошлом году как раз там был. Крепко тебя там тогда обварило!

– Это про Крыльцово, что ли, разговор? – спросил Колян. – Про тамошний блокпост?

– Ну! – быстро сказал Моргалю. – Ты там был?

– Га! – громко воскликнул Колян. – Был! Да я думал, что я там навсегда останусь, вот какое это место.

– И что у них там такого особенного? – спросил Моргалю.

– Народ там живёт очень поганый, – ответил Колян. – И в Крыльцово, и в других соседних деревнях все как один стукачи. Любой застучает!

– Чего это они так?

– А им там за это платят вдвое, чем в других местах, и ещё паёк усиленный, вот они и стараются.

– А ты как туда попал?

– А я, это знаючи, запасов всяких взял с собой, чтобы там ни к кому не соваться. Ну, и стерёгся. И дошёл до самого

поста.

– И ещё даже фугас пронёс! – прибавил Генерал.

– Да, – сказал Колян. – И фугас. Да там ограды никакой. Но везде всякие заманухи, растяжки. А вообще там только сбоку малость лесу, а остальное всё поле и поле, на поле бугор здоровенный...

– Холм! – поправил Генерал.

– Холм, – повторил Колян. – В него два хода. Там у них землянки.

– Блиндажи! – уже строго сказал Генерал.

– Блиндажи, – повторил Колян. И продолжил: – Что там у них в этих блиндажах, не знаю, а снаружи только люки, люки железные, при люках часовой. А снизу, под холмом, дрезинная дорога, одна линия туда, вторая к нам. И вот там сам пост и его будка. Там часовых уже четыре, а то и пять, и даже, бывает, восемь собирается. А сбоку, слева от поста, вертихвостая площадка, и там тоже всегда часовой. И это всё.

– А домики? – спросил Моргалю.

– Так домики, это уже не блокпост, – сказал Колян.

– А что?! – насмешливо спросил Моргалю.

– А кто его знает! – ответил Колян. – Один человек нам говорил...

– Что за человек? – тут же спросил Моргалю.

– Про это говорить нельзя, – сказал Колян и замолчал.

Генерал тоже молчал. Моргалю подождал, после сказал:

– Ладно, давай без того человека. Что дальше?

– Так, вот, – сказал Колян, – нам было сказано, что эти домики всегда пустые. Ну, только иногда, если ихнее начальство наезжает, тогда оно там живёт, в тех домиках. Как в деревенских! Ну, там, конечно, чище, богаче, и там водопровод, как в городе, радио, электросвет и всякое такое прочее. И это начальство там живёт. А чтобы им было веселей, возле второго домика есть ещё яма с водой, здоровенная такая яма, там в ней рыбки водятся, они их удочками ловят. Или просто лежат на земле, на солнце греются. Или в деревню ходят, через лес, и берут там куриные яйца и молоко.

– Им что, из деревни принести не могут? – недоверчиво спросил Моргалю.

– Они так хотят! – сказал Колян. – Сами хотят взять, понятно?!

Моргало подумал и кивнул, что да, понятно.

– И вот там, – сказал Колян, – на той дороге через лес, я и думал их перехватить. И фугасом рвануть!

– А откуда ты узнал, что к ним начальство приехало?

– Тот человек предупредил. И я пошёл.

Тут Колян перестал говорить и задумался. Моргалю не сдержался и опять спросил:

– А дальше что?

– Что! Что! – в сердцах сказал Колян. – Хорошо, что я фугаску отложил. Спрятал под ёлку, мусором засыпал. А после только вышел на тропу, начал место выбирать, пригнулся...

И вдруг как рванёт! Как полыхнёт огнём! И больше ничего не помню. Очнулся, смотрю, уже ночь.

И Колян снова замолчал. Генерал сказал:

– Скорей всего, растяжка там была, и ты за неё зацепился.

– Не было там ничего! – очень сердито воскликнул Колян. – Я что, слепой?!

– Ну, тогда, может, они это по радио, – предположил Моргалю.

– А как они узнали, когда это радио включить?

– Так а тот твой человек зачем?! Вот он тебя и стукнул!

Сидел там где-нибудь рядом на ветке, когда надо, дал отмашку, они и рванули. По радио.

– Тогда они бы меня после подобрали. Пришли на взрыв и подобрали бы. А так никто не приходил.

– Так, может, и приходили, а ты в бессознанке лежал.

– Вот и подобрали бы, раз в бессознанке!

– Зачем ты им?!

Колян растерялся, молчал. Тогда Генерал сказал:

– Как это зачем? Для опытов.

Теперь уже Моргалю замолчал, заткнулся. После очень сердито сказал:

– Ладно. А что дальше?

– Уполз я оттуда, – нехотя сказал Колян. – Перележал в болоте. А после совсем уполз.

– И они тебя так и не видели? – опять очень недоверчиво спросил Моргалю.

– Ну, знаешь! – со злостью воскликнул Колян. – Не веришь, не слушай. Сам сходи и сам проверь на месте.

Моргало молча усмехнулся и повернулся к Генералу. Генерал сказал:

– Вот за этим тебя и позвали, Коляша. Чтобы на месте проверить. Виктор Леонардович, – продолжил Генерал, отворачиваясь от стола и поворачиваясь к этажерке, – Виктор Леонардович для того и прибыл к нам, чтобы мы его надумили, как туда пробраться, ты же там все входы-выходы знаешь. И можешь начертить чертёж! Диспозицию, так будем говорить, будущих важных ударов.

Тут он опять повернулся к столу и положил на него чистый лист бумаги. А на лист положил карандаш. И приказал: – Валяй!

Колян начал рисовать чертёж. Это Генерал учил его чертить, говорил, что карты – вот где настоящая наука, и это нужно в жизни, не то что всякая хрень, которой всю бумагу измарали и погубили державу и вообще всю цивилизацию вместе с Китаем и Америкой, хотя этих и не жалко, конечно, но всё равно ведь люди, а не санитары. Смерть санитарам, кричал Генерал, если сильно напивался или его, даже просто трезвого, очень сильно донимали какой-нибудь несправедливостью. А тут он смотрел на Коляна, как тот рисовал чертёж, и одобрительно кивал. Но, правда, иногда и приговаривал:

– Соблюдай масштаб, Коляша. Куда ты наверх полез? А

пасеку почему не отметил? Ты же говорил про пасеку!

И Колян, как будто спохватившись, врисовывал на нужном месте пасеку. А вот третий блиндаж на бугре, тот, что с обратной стороны, он так и не врисовал! И Генерал про это не ни словечка не сказал. И про запасной дрезинный путь они оба тоже как будто забыли.

Но зато всё остальное был вычерчено верно, и когда Моргало спрашивал, что это или что вот это, Колян и Генерал охотно ему объясняли. Одним словом, чертёж Моргале понравился. Поэтому как только Колян перестал с ним возиться, Моргало взял чертёж себе, рассмотрел вблизи, улыбнулся, сложил и убрал за пазуху. И уже сразу начал было подниматься из-за стола, но Генерал сказал:

– Э, нет, так не годится! Вот так мы санитарам проиграли, потому что спешили. А надо не спешить! Надо готовиться! И пить до дна! И хорошо закусывать! Садись!

Моргало постоял и сел. Генерал тут же налил ему в кружку. Моргало поморщился, сказал:

– Но это последняя. Мне же ещё людьми командовать.

– А, ну, это да, – сказал Генерал. – Это святое.

И стал молча наблюдать за тем, как Моргало наливает в кружку воду, разбавляет горячку. Разбавлял он очень сильно. Генерал не выдержал, поморщился. И, продолжая морщиться, плеснул себе и Коляну. Колян не решился разбавлять. Моргало поднял свою кружку, посмотрел на Генерала, на Коляна, медленно моргнул и сказал очень серьёзным го-

лосом:

– Сукой буду, если я их не взорву. Но и вы будете суками, если меня подставите – вольно или невольно. Бог же не фразер, как мне моя бабка говорила.

– Это верно, – сказал Генерал.

Они чокнулись и стали пить. А про Коляна не подумали. Но и Колян тоже выпил. Пил и сердито думал: сукой буду, ага, как же, а кто ты и так после того, как три года тому назад на такие вилы нас поставил, когда мы за картошкой ходили. Холодина же была такая, просто ад, а там вдруг почему-то лёд подмыло, да не подмыло, а вы нарочно низом кипятков пустили, лёд истончал, стал лопаться – и мы под лёд! И что? Кто после этого сука? Колян допил, облизнулся и, не дыша, потянулся к кувшину.

– Чего руки дрожат?! – спросил Моргалю. – Украл чего-нибудь?

Колян отпил пару глотков, оставил кувшин, повернулся к Моргалю и ответил как можно спокойнее:

– Нет, не украл, а это я так сильно за тебя переживаю.

– Переживать, – строго сказал Моргалю, – за меня не надо. Я ещё всех вас переживу.

И засмеялся нехорошим смехом. А после опять встал, уже стоя достал из нагрудного кармана фабричку, прикурил её, пустил дым и сказал:

– Рад был свидеться, товарищ гвардии герой.

– Взаимно, – со смешком ответил Генерал. И тоже встал,

сказал Колян: – Я выйду, провожу гостей. Сиди, ничего не трогай. Понял?

Колян кивнул.

– Руку к козырьку! – прикрикнул Генерал.

Колян отдал ему честь.

– Вот так-то! – довольным голосом сказал Генерал и пошёл следом за Моргалой.

Они вышли. Колян сидел за столом и прислушивался. Но ничего толком не выслушал. Да он хотел только одно услышать – в какую сторону Генерал повёл Моргалу. Генерал же, говорили знающие люди, выкопал в своей землянке, правильнее, в блиндаже, кроме главного ещё два выхода: один секретный, а второй ещё секретнее, на случай чрезвычайных происшествий. И не в землянке, да, а в блиндаже, Генерал всем говорил, что у него блиндаж, а если слышал, что его всё равно называли землянкой, то очень сердился и кричал, что, может, вы её ещё избушкой назовёте, сволочи, где вы видели избушку с таким потолком в пять накатов, да я прямого попадания авиабомбы не боюсь, да мне здесь термоядерный удар не страшен! Ну, и так далее. А за сундуком он прячет радио. Там, под шинелью. И слушает Город! Зачем ему это нужно? Он что, вызнаёт их какие-нибудь важные секреты? Или он, наоборот, получает ихние команды? Так это сейчас легко проверить! Надо только протянуть руку, откинуть полу шинели, нажать на кнопочку...

Но ничего этого Колян не сделал, потому что послышался

шум, после открылась дверь, вошёл Генерал, посмотрел на Коляна и сказал:

– Ушли скотины. Ну и ладно. Хотя, – продолжил он, возвращаясь к столу, – они никакие не скотины, а наши верные боевые товарищи. Или даже так, – сказал он, уже садясь за стол, – они верные товарищи, а это мы скотины. А что! А вот сейчас проверим. Рассказывай, зачем пришёл. Что там у вас на самом деле сотворилось? Ну?!

И Генерал очень внимательно посмотрел на Коляна – прямо ему в глаза. И Колян стал отвечать:

– Да чего тут говорить! Противно! Профукал я их вчистую. Сижу на крыльце, вдруг вижу: идут двое от болота. И говорят: привет, Колян, как дела? Представляешь?! Все заманухи мои обошли!

– А! – сказал Генерал, усмехаясь. – Твои заманухи только слепой не обойдёт.

– И что, – задиристо спросил Колян, – только глухой не услышит, как меня зовут?

– При чём здесь глухой? – сказал Генерал. – Я же уже говорил: у них, знаешь, какая картотека на нас всех?!

– Чего они тогда нас всех не переловят через эту картотеку?!

– Потерь боятся, – сказал Генерал. – А у них отчётность. И вдруг потери выше нормы. Им за это сразу звёзды посрывают.

– Чего? – спросил Колян.

– Ну, это, – сказал Генерал. – Довольствие уменьшат. Понизят в должности. Переведут в другое место, ещё худшее. Вот они к нам и не лезут, а ждут, когда мы сами передохнем. Я так это понимаю. Ну, ладно! Давай дальше. Что там у вас было? Вот они подходят, говорят: привет, Колян, как дела? А ты сразу за заточку! Так?

– Не совсем, – сказал Колян. – Я же вначале подумал, что это и вправду люди, настоящие. Похожие они же очень сильно. И ещё говорят, что они от Петровича.

– Петровича? – переспросил Генерал. – От нашего, что ли, Петровича?

– Вот то-то и оно! От нашего! – ответил Колян даже как будто с гордостью. – Вот как! И говорят: это Петрович им про все мои засады рассказал. И ещё велел, чтобы я их принял, как родных, и научил, как идти дальше, на Новую зону. Через Сивое болото, срочно!

– Так, так! – уже с азартом сказал Генерал и налил им обоим понемногу. – Пей! А дальше? Дальше говори!

Колян выпил и начал опять рассказывать, теперь уже обстоятельно и не спеша. И не кривил, а говорил как было. Пока он рассказывал, они ещё раз выпили и закусили. А когда он замолчал, Генерал взял со стола фабричку и, прикурив её, сказал:

– Ну, и всё правильно вы сделали. Как по уставу. Можно даже сказать: благодарю за службу.

– Рады стараться, – ответил Колян, потому что знал, что

так обычно отвечают в таких случаях. Но тут же прибавил: – А что теперь дальше? Мы же двоих грохнули. За нами же теперь придут!

– С чего это вдруг они будут за вами ходить? – удивился Генерал. – Грохнули и грохнули. И это же робертов грохнули, расходный материал, как говорится. Может, их для того к нам и послали, чтобы мы их грохнули. И всё сошлось: послали грохнуть – и их грохнули. И они птичку в табличку.

– Кто птичку? – не понял Колян.

– Санитары, – сказал Генерал. – В сводном графике.

– В чём?!

– Проехали, дальше, – сказал Генерал. И усмехнулся.

Колян смотрел на него и молчал. Потом сказал:

– Но ладно эти роберты. Чего нам до них? Железо! А вот Петрович! Зачем он им про меня раскололся?

Генерал на это только усмехнулся и сказал:

– А почему ты думаешь, что так оно и было, как они рассказывали? Может, они Петровича в глаза не видели, правильнее, в фотоэлементы не считывали, а это им давно с другого места доложили.

– Так если с другого, – с жаром воскликнул Колян, – и если давно, то чего они нас тогда же, в те давно, не повязали?

– Я же говорил уже: больших потерь боятся! – так же с жаром ответил Генерал. – Да и, может, это им пока не нужно, план на нас ещё не подписали. Очередь не подошла. А подойдёт, налетят вертихвосты и разбомбят здесь всё к ед-

ренией матери, как у нас было тогда в Америке.

Колян помолчал, подумал, а потом сказал:

– Что-то ты загадками заговорил.

– А что, – улыбаясь, сказал Генерал, – ты меня в чём-то подозреваешь?

– Нет!

– Ладно, ладно, знаю я, о чём вы у меня за спиной шушукаетесь, – всё так же с улыбкой продолжал Генерал. – Что у меня тут радио спрятано и что я по нему Город слушаю, и их команды исполняю.

Колян смотрел на Генерал и молчал.

– Вот! – сказал Генерал. – И возразить на это нечего! Потому что так оно и есть: болтаете! Квазимоду из меня хотите сделать?! А вот убери шинель! Там дальше ящик достань! Сейчас будем вместе посмотреть, какой я Квазимода! И какой предатель, слушать! Ну! Чего сидишь! Не посадили, а уже сидишь! Давай действуй, кому сказано! Пока не пристрелил!

Тут Генерал и в самом деле полез в карман за пистолетом. Колян не на шутку испугался и наклонился к шинели, откинул её, сунул руку за сундук, сундук был пластмассовый, тёплый, нащупал там ещё один такой же сундучок, тоже тёплый и пластмассовый, и вытащил его наружу. Ящичек был чёрный с белыми полосками, на нём сбоку были кнопки и колёсики. Это и было радио. Колян видел его раньше раза три, а в руках ни разу не держал.

– Дай сюда! – строго велел Генерал.

Колян отдал ему радио. Генерал взял его в руки, стал очень серьёзный на вид, нахмурил брови и негромким голосом сказал:

– Люди у нас дураки. Ох, дураки! Все как один!

И нажал пальцем на одну из кнопочек. Радио чуть слышно зашипело. Генерал начал крутить колёсико. Радио шипело то громче, то тише. Генерал положил радио на стол. Радио продолжало шипеть. А раньше, подумал Колян, из радио играла музыка.

– Вот! – гневно сказал Генерал. – Слышишь? Шипит! А не должно шипеть.

– А что должно? – спросил Колян.

– На этом месте, – сказал Генерал, – должны передаваться позывные. Или говорить открытым текстом: так, мол, и так, свободные защитники, время пришло, все как один встаём... Ну, и так далее. Или ещё что-нибудь другое, я не знаю. Или хотя бы просто кто-то подал голос, сказал бы, что у них там всё в порядке, идут подготовительные работы, завозят оружие, обговаривают позывные, разрабатывают диспозицию... А так только один шип! Капитулировали суки, вот что, и, может, мы на всём нашем шарике одни остались. На пятьдесят парсеков во все стороны, чтоб им подохнуть. А вы: предатель, предатель. Да перестрелять вас всех пора!

Тут он вдруг и в самом деле выхватил пистолет, вскочил за столом, навёл ствол на Коляна и крикнул:

– Молись, скотина! Сейчас застрелю!

Колян отрыл рот и молчал.

– Молись!

Колян облизал губы и сказал:

– Как это?

А зубы у него так и стучали. Он смотрел на пистолетный ствол и думал, что как теперь Милка одна без него зимой управится, ведь не управится же, не родит как следует, дура такая, не родит, и никто ей не поможет, люди, они же...

– Тьфу! – гневно сказал Генерал. – До чего народ дошёл! Они уже даже молиться не умеют!

И опустил ствол вниз, и выстрелил мимо стола. Грохнуло так сильно, что аж уши заложило. И ещё крепко запахло гарью. Генерал сунул пистолет в карман и сел обратно к столу. Радио опять стало шипеть. Генерал сказал:

– Налей помалу, – а сам сунул руку к радио и выключил его.

Колян налил, они выпили. Колян взял консерву и начал закусывать. Говорить ни о чём не хотелось. Вдруг Генерал сказал:

– А я вот думаю: если шипит, то, значит, там всё же кто-то есть. Иначе даже не шипело бы. Значит, когда-нибудь начнётся. Только бы не прозевать! Поэтому я каждый день его включаю. А то и по два раза на день.

Колян отставил консерву и посмотрел на Генерала. Генерал невесело усмехнулся и сказал:

– Я бы тебя застрелил. Но я тебе верю. Пока что. А другим

и пока что не верю. Кругом все предатели! И Петрович тоже, получается, предатель. Роберты правду сказали. А что! А почему бы нет? Вот Байщик точно предатель! Я его на прошлой неделе вычислил. И знаешь как? Идём мы с ним тут совсем недалеко, возле тройной берёзы, и вдруг вертихвост! Завис и не стреляет. А должен стрелять! А почему не стреляет? Потому что он противника не чувствует! Так?

Колян подумал и сказал:

– Ну, так. Но и тебя же он тоже не чуял, а не одного только Байщика.

Генерал изменился в лице и сказал:

– Меня они хотят живым взять. У них такая задача: генерала взять живым! Желательно вместе со знаменем. А вас всех перестрелять! Вот в тебя они всегда стреляют? Стреляют же?!

– Ну, да, – нехотя ответил Колян.

А Генерал не унимался, продолжал:

– Вот когда ты сегодня ко мне шёл, вертихвост тебя засёк?

– Засёк.

– А чего ты вдруг краснеешь? Что ли, не засёк? Или ещё что было, а?!

– Да ничего там не было! – очень громко ответил Колян. – Гонял он меня по лесу! Я вон какой крюк нарезал! До самых малин!

– Вот видишь! – сказал Генерал. – Вот как они тебя пасут! А Байщик им как свой, я это сам видел. И вот, думаю, может,

даже на этой неделе, вызвать его к себе и расстрелять. За предательство.

Колян молчал. Генерал вдруг спросил:

– А куда вы своих робертов девали?

– Снесли в сарай. Думаем, может, кому на запчасти сгодятся.

– Ну, это к Шофёру, – сказал Генерал. – Может, его радистка чего в этом понимает. А, может, и она засланная. Но пока что у нас есть хоть один шанс, надо сражаться! За это и выпьем.

Колян налил, они выпили. Колян утёрся. Генерал сказал:

– Да ты закусывай. Консерва жирная, как из Америки. Давай!

– Да я не за этим же пришёл, – сказал Колян. – Что консервы! А вот что нам с Милкой теперь делать? Робертов мы грохнули. Двоих, сегодня. А завтра за ними придут. Место наше им теперь точно известно. Вот и придут ещё раз! Уже санитары! А Милке нельзя волноваться.

– Чего, чего?! – удивлённо спросил Генерал.

– Да зимой ей в деревню идти! Зимой ей срок, вот что.

Генерал подумал и сказал:

– Срок это хорошо. Нас больше станет. А про робертов ты не беспокойся. Если бы тебя хотели за них застрелить, так уже застрелил бы. Ты когда сюда шёл, вертихвост тебя засёк?

– Засёк.

– И стрелял, но не попал?

Колян кивнул.

– Вот и ответ! Не попал! Потому что не нужно было попадать. А нужно было бы попасть, попали бы как пить дать. Про теплоприцелы слышал? Вот то-то же. И ты бежишь, туда-сюда петляешь, а они летят сверху и по тебе постреливают. Но пока не попадают, потому что пока что не надо. Потому что у тебя в твоей учётной карточке эту птичку ещё не поставили. А как только поставят, так сразу застрелят. Понятно?

– Понятно, – ответил Колян. И тут же спросил: – А что такое учётная карточка?

Генерал молчал. Долго молчал! Смотрел на Коляна, думал. Потом вдруг сказал:

– Дай руку! Правую!

Он дал.

– Расстегни рукав!

Он расстегнул. Тогда Генерал положил его руку на стол так, как обычно в больничке кладут, и так же, как в больничке медсестра, потёр пальцами по коже. Кожа сразу покраснела. Только в одном месте она так и осталась белая.

– Видишь? – сказал Генерал, показывая на эту белую кожу. Потом осторожно надавил на неё пальцем и спросил: – Чувствуешь?

– Что чувствую?

– Что там что-то лежит! Так это сдатчик! – с азартом сказал Генерал. – Это такое маленькое радио, вот такусенькое, сволочь, оно всё время включено и всё про тебя санитарам

докладывает. Ведёт, так сказать, передачу, считывает историю болезни: что ты сказал, что подумал, что почувал. Вот прямо сейчас у них сигнал: номер такой-то и такой-то сидит за столом и глаза таращит. А раньше был такой сигнал: вот он горячку неразбавленную пьёт. А ещё раньше: вот он роберта прикончил, и это хорошо, потому что роберт свой моторесурс уже выработал, мы направили его на утилизацию – и этот номер такой-то и такой-то своими средствами его утилизировал, нам экономия, выдать ему компоту с сухофруктами!

Колян молчал, смотрел на свою руку. А Генерал свою с неё уже убрал. Колян ещё подумал и спросил:

– Говоришь, сдатчик?

– Сдатчик, – кивнул Генерал. – Они его тебе в больничке вставили. Да они всем вставляют.

– И тебе тоже вставили?

Генерал вместо ответа закатал рукав и показал то своё место. Там тоже был виден белый след, только большой, не то что у Коляна.

– А чего у тебя такой здоровенный? – спросил Колян.

– Потому что я высший командный состав, – строго ответил Генерал. – А ты вообще не присягал!

Колян ещё подумал и спросил:

– И что, у всех такие, что ли?

– У всех. Вот придёшь домой, у Милки посмотри.

Колян посмотрел на Генерала, помолчал, после сказал:

– Что-то ты не договариваешь.

– А ты чего-то не додумываешь, – насмешливо ответил Генерал. – Думай, Коляша, думай!

Колян опять задумался. После сказал:

– Голова разболелась.

– Ну, конечно, – сказал Генерал. – Столько думать! С непривычки!

Колян покраснел от злости и опять спросил:

– У всех у всех?

– У всех, кого я видел, – сказал Генерал.

– И никто не знает?

– Так это же им под наркозом делают.

– Так! – громко сказал Колян. – Получается, эти козлы, ну, санитары эти, про нас всё знают. И не убивают же!

– Ну, почему это не убивают, – сказал Генерал. – Убивают понемногу. Но по системе. Проводят, так сказать, селекцию. Самых буйных отстреливают, а остальных размножают.

– Как нас с Милкой, что ли? – очень недобрым голосом спросил Колян.

– Так вы же не буйные.

– Я никого не предавал!

– А я про «предавал» ничего не говорил, – сказал Генерал. – Предавать – это не обязательное требование, а это уже как дополнительный паёк. Да и, потом, им разные нужны. Они как бы весь спектр исследуют, то есть им широкий фронт требуется: и такие, и такие, и такие. Всякой сволочи

по паре, как я где-то слышал. И вот тогда у них отчёт принимают на отлично, и им всем за это идёт прибавка к жалованию. То есть тоже где-то дополнительный паёк. Они же как бы вроде нас, хорошего санитара к нам сюда не присылают же, а только всякую дрянь провинившуюся. Вот они после отсюда и рвутся, как могут, тусуются туда-сюда на вертихвостах и план выполняют. Даже, бывает, лишнего застрелят: вот, к примеру, ты из кожи лезешь вон, выслуживаешься, товарищей сдаёшь, у тебя сдатчик всё время плюсы выставляет, может целый год плюсовать, а потом какой-то отморозок шарах по гашетке, дал очередь – и ты того. Понятно?

Колян молчал.

– Думай, Коляша, думай! – сказал Генерал.

– Да я что, – сказал Колян. – А вот как Милка? Ей зимой рожать. А если меня того, тогда ей как?

– Сдадим в город, – сказал Генерал. – Хорошая она у тебя баба, ничего что городская. Волноваться ей нельзя... А вот пусть поволнуется. А ну залезь туда ещё, за радио. Там ещё одна коробка есть. Достань!

Колян полез. И нащупал, и достал ещё одну коробку. Эта была уже картонная, блестящая. Генерал велел открыть. Колян открыл...

И аж зажмурился! После опять открыл глаза и опять подумал: красота какая! Дрянь, конечно, никому не нужная, а всё равно красиво. Беленькие туфельки на каблучках. Колян, когда сидел в тюремной больничке, на старшей медсест-

ре точно такие видел. Красота! Колян осторожно дотронулся до одной туфельки и сразу убрал палец.

– Ты чего это? – спросил Генерал.

– Замарать боюсь.

– Милка отмоет.

– Как Милка?!

– А вот так! Это вам от вышестоящего начальства ценный подарок за беспорочную службу! – важным голосом ответил Генерал. – Левая за одного роберта, правая за второго. Будет третий, подарю ещё чего-нибудь. Вопросы есть?

– Нет, – растерянно сказал Колян.

– Тогда свободен, – сказал Генерал. – Приступай к исполнению. Понял?

– Что исполнять?

– Отнеси это Милке. Скажи: ценный подарок. Ну?! Руку к козырьку, сколько можно учить?!

Колян встал, надел шапку и козырнул.

– Вот так лучше, – сказал Генерал. – Иди, служи. И думай, думай! Понял? А то уже зимой рожать, а ты всё думаешь.

Колян взял коробку с туфлями и повернулся к выходу. И пошёл, и вылез на поверхность. Как только вылез, люк за ним сразу закрылся и, было слышно, ещё раз закрылся – и это уже на висячий замок.

Колян стоял возле люка и смотрел по сторонам. Вокруг было темно. Но, конечно, не так, как у Генерала в блиндаже, где хоть глаза выкалывай. Здесь же на небе звёзды, и этого уже вполне достаточно, чтобы видеть главное, то есть куда идти, а где наоборот опасность. А вот Милка этого не видит. Она же городская, городские все такие, темноты боятся, им обязательно нужна Луна, тогда они хоть что-то видят. Ну а про санитаров и говорить нечего, они ночью без ночных прицелов вообще слепые как кроты. Но даже и это не всё! Байщик говорит, что если распустить в воздухе мощную электрическую помеху, то у них и ночные прицелы откажут, и вот тогда их кроши как капусту!

Но, тут же подумал Колян, перестав улыбаться, Генерал говорит, что тут Байщик загибает, потому что ночной прицел это оптика, а электричество – физика и к прицелам никакого касательства не имеет. Так оно, наверное, и есть, думал Колян, медленно спускаясь к тропке, Генерал в военном деле разбирается лучше, чем Байщик, да и тут главное другое: что ни городские, ни санитары ночью в лесу ничего видеть не могут, а мы можем, и это наш старший козырь, говорит Генерал, с него и будет заходить, когда дадут сигнал по радио. Ночь, прибавляет Генерал, наш самый верный союзник, и мы этим козлам ещё ввалим. Думая примерно о таких

вещах, Колян вышел на тропку и пошёл по ней, держа коробку с туфлями подмышкой. На фига нам эти туфли, думал он, где в них ходить, только каблуки сломаешь. А вот зимой они очень даже пригодятся. Деревенские, они же все жлобы, они же за мешок картошки готовы убить. Да и убивали сколько раз! А тут вдруг туфельки, такие городские, ё-моё, какая деревня против них устоит?! Да они за них... Ого! Подумав так, Колян невольно расплылся в улыбке и прибавил шагу. Представил, как они зимой придут к деревне, Милка останется в кустах, он её там в снегу окопчик выроет, она в нём, брюхатая, заляжет, а он поползёт дальше, в поле, почти к самым домам, есть там возле околицы, рядом с брошенным колодцем, одно специальное место для переговоров. Он приползёт туда и дёрнет за верёвочку. И вскоре, Генерал говорит, что примерно минут через пять, оттуда, от крайнего дома, с чердака, из окошка, подадут ответ – махнут рукой...

Ну, и так далее. Но это пока что только отвлекает, подумал Колян, это же будет ещё только зимой, а до зимы ещё нужно дожить. А это будет непросто! Они же двух робертов грохнули. К ним завтра за это придут! А то и вообще прилетят. Так, может, тогда так и сделать, как сегодня учил Байщик – выйти, поднять руки и махать? Ага! Ну, да! А кто тогда за робертов ответит? Вот как они, гады, завтра подумают, и сразу шарах по гашетке! И перестрелят пополам, развалят надвое, есть у них одна такая пушечка, которая так перестреливает. И вот они из неё как начнут поливать!..

А как же генераловы слова, тут же спохватился Колян, он же говорил, что не будут стрелять, что роберты это расходный материал, что их списали...

Да только Генералу что, уже дальше подумал Колян, сказал и сказал. А после ещё подытожит: незадача вышла, потому что кто же мог предположить, что они так ожесточатся, им, видимо, из их центра пришла новая разнарядка. Вот так примерно скажет и закурит. Он всегда, когда волнуется, закуривает. А после даёт докурить. Но тут уже не даст, потому что как Коляну дать, если он будет уже лежать, надвое перестреленный? А положат его возле бани на том же самом столе, за которым он с робертами выпивал...

Тьфу! Вот же навяжется всякая дрянь, сердито подумал Колян, идя дальше по тропке. Не нужно было их обкармливать, кто же это в своём доме грохает, а нужно было с ними согласиться и даже оставить ночевать, но, конечно, не в доме, а снаружи, в сарае, а утром вывести в болото и там или грохать, или топить, это уже как получится – и тогда Милка была бы вне подозрения, рожала бы себе зимой спокойно, Генерал бы ей помог уйти в деревню, Байщик бы поддельный пропуск выправил, он на это золотые руки, а Шофёрова жена тёплых вещичек дала бы в дорогу. Вот как надо было делать, если делать по уму. А так что? Колян тряхнул коробкой, туфли в коробке брякнули. Хотелось пить – просто воды, это после горючки сушило. Колян пошёл медленней, начал прикидывать, где здесь ближайшая криница, и полу-

чалось, что...

Вот зараза! Получалось, что недалеко от того места, где он зарыл консервы. А что, подумал Колян, чего он так кочевряжится, консервы полезная вещь, бабам перед этим делом надо много есть, потому что нужно рожать крепких, сильных, а некрепкий здесь не выживет. Колян сам не выжил бы, но мать вовремя заметила, что он слабеет и слабеет, пошла к знахарке, Анжелика её звали, Петровна, Анжелика посмотрела и сказала: не выходить тебе его, неси, отдавай сволочам, это его единственный шанс. И мать так и сделала – отнесла Коляна, а он сам ходить уже не мог, отнесла к блокпосту и положила в приёмное корыто. Так Колян в первый раз попал к санитарам. Вот тогда ему, наверное, сдатчик и вставили.

А могли и только в третий раз, в прошлом году, когда он, уже сам, ходил к тому же самому блокпосту, но ничего не успел подорвать – самого подорвали. А очнулся, была уже ночь. Он пополз обратно, к тому месту, где фугас припрятал... а фугаса уже нет, кто-то уже взял его. Кто, кто! Санитары, конечно. А его почему-то не тронули. Да вот, похоже, всё же тронули – вшили сдатчик, а он и не заметил. Подумав так, Колян остановился, перехватил коробку, закатал рукав и стал рассматривать руку. Шрамчик на руке был маленький, почти незаметный. А фугас тогда пропал! И никто из своих про него не спросил, даже Байщик не додумался. А Колян, конечно же, молчал и никому даже не намекал, что, получается, санитары его тогда выследили, подорвали, а по-

сле забрали фугас, а самому дали уйти. Тогда Колян было непонятно, как это так, почему отпустили, а теперь всё ясно: а чего его было держать, если на нём сдатчик? Иди куда хочешь, мы про тебя и так всё знаем. Сволочи! Колян пощупал руку. Да, правда, там, под кожей, что-то есть. Там сдатчик. Сейчас он с этим сдатчиком придёт домой, выставит на стол консервы, Милка начнёт спрашивать, откуда взял...

И что ей отвечать? Да гори они огнём, эти консервы, и вода огнём гори, не пойдёт он туда, к той кринице и к той консервной хованке, гневно подумал Колян, перебьётся он до дома, там попьёт, и там же Милка ему что-нибудь сварганит, может, опять котлеты. А то как же! Такой праздник! Он же ей туфли принесёт! Деловые туфли, генеральские. Наверное, в прежнее время и в самом деле только генеральши такие носили, может, у Генерала они ещё с тогдашнего остались.

Или, вдруг подумалось, ему их санитары дали вместо допайка. А что! А почему Колян должен ему верить?! Ведь у Генерала тоже сдатчик вставлен, он такой же как и все. Он даже хуже, потому что знает и не говорит.

Как это не говорит? Сказал же! И ещё прибавил: думай, Коляша, думай! И усмехнулся как-то очень странно, а не грозил расстрелять. Обычно он всегда грозит, если его о чём-нибудь таком не очень для него удобном спрашиваешь. А тут нет! Тут, значит, и вправду нужно как следует подумать, раскинуть мозгами. Хотя, тут же вспомнил Колян, это опять генеральская присказка: сейчас как врежу, так ты у

меня быстро мозгами раскинешь! По стенке! Скажет так – и никто не смеётся.

Так же и Колян сейчас не стал смеяться, а остановился, потому что идти дальше было уже небезопасно – вышла Луна и осветила лес. Теперь, подумал Колян, его могут и деревенские самооборонцы заметить, у них же тут неподалёку пост. Значит, пока лучше немного переждать, пусть сперва Луна зайдёт за тучи. Луна поганая! Колян очень не любил Луну. Сколько себя помнил, столько не любил. И как и за что начал не любить, он тоже помнил. Это он тогда спросил у матери, откуда взялись санитары, а она ответила, что прилетели с неба. Как это с неба, не поверил Колян, из пустого воздуха, что ли? Тогда она сказала, что с Луны, но через небо. Вот с той поры, с тех слов, Колян Луну и невзлюбил. После он, конечно, много раз слышал, что санитары прилетели совсем не с Луны, потому что на Луне нет ничего, наши на Луне бывали, летали туда на специальном вертихвосте ещё при прежней жизни и ничего там не нашли, а только один лёд, поэтому Луна такая белая. А санитары, говорили эти знающие люди, прилетели из такого далека, что даже и не представить. Дальше, что ли, чем со звёзд, с насмешкой спрашивал Колян. Дальше, отвечали знающие люди, много дальше, звёзды ещё хоть видно, а это ещё дальше и уже не видно. Колян слушал и не спорил, но не верил. Они там были, что ли, думал он, а то что сами санитары про себя рассказывают, так вы только уши подставляйте, они вам на них

всякого дерьма навесят. Уж кто-кто, а Колян это знал, он три раза был в больничке, наслушался он санитаров до изжоги, и насмотрелся на них, и натерпелся тоже. И вот что его больше всего удивляло, так это их санитарская въедливость и донимательность. Ведь же нормальный человек даже собаку просто так мучить не станет, а им это запросто. Посадит тебя перед собой, в тетрадку данные запишет, а после ударит током и смотрит, как у тебя рука задёргалась или как слюна бежит, или как глаз перекошило – и опять в тетрадку чик-чирик пометочку. Сволочи какие! И все наши тоже так считают: сволочи! Один только Байщик говорит, что он здесь ничего удивительного не видит, что люди сами такие же, ничуть не лучше санитаров, просто у нас сейчас нет такой возможности, а когда она была, при прежней жизни, то мы, люди, в своих больничках точно так же донимали крыс: тоже их током били, уколы им делали, заражали всякими диковинными болезнями. Так то же крысы, говорил Колян. А мы, отвечал Байщик, для санитаров те же крысы. Вот какой гад этот Байщик, подумал Колян, глядя на Луну, которая никак не заходила. Вот бы её взорвать, вот был бы шухер, вот санитары бы тогда забегали – и сразу все к вертихвостам, тикать, а тикать им уже некуда! Теперь вы сами, как и мы, крысы бездомные! И вот они бегают туда-сюда, толкутся, часовые все ушли с постов, и тогда бы выбежать на поле, влезть по трапу, сесть в кабину, выжать газ, подняться, когда они там все внизу, и все как крысы...

Да только об этом даже не мечтай, сердито подумал Колян. Даже если бы сел в вертихвост и никто бы тебе не мешал, как бы ты с ним дальше управлялся? Там же, Колян сам видел, сколько всяких ручек, кнопочек, окошек, циферок! Это было очень давно, лет, может, десять тому назад, когда у них вдруг прошёл слух, что за рекой, на Глухаринном поле, упал сгоревший вертихвост. Многие тогда туда ходили. Колян сильно просился, и его тоже взяли. Он видел, он даже руками трогал. Очень его это впечатлило! Ох, как он после мечтал научиться водить вертихвост! Это вам не дрезину водить, Генерал тоже нашёл чем выхваляться, что он дрезину водит, дрезину и роберты могут, а вот вертихвост! Это же летишь по небу, смотришь...

А, только махнул рукой Колян, ерунда это, он же земляк, как санитары выражаются, а земляку ничего не положено, даже читать и считать. Колян хорошо помнит, как у него в палате был один, который просил, чтобы его научили читать буквы, хотя бы только печатные, и ему вначале обещали, а после пришли и сказали, что его приказано отправить на тестирование, собрали манатки и увели. И с концами, конечно, а как же! Земляку учиться не положено, ему положено только одно – трудовая реабилитация. А это так: в больничке есть отдельный корпус, в нём два отделения, мужское и женское. Про женское Колян судить не станет, он там не был, а про мужское знает очень хорошо. Там так: сидишь за столом, стол называется верстак, и разбираешь гайки, раскла-

дываешь их по трём коробкам – большие в одну, маленькие в другую, а жёлтые в третью, и всё. Норму сделал, получи паёк. Триста норм сделал, получай разряд и выпуск в город уже на постоянное жительство. Колян сделал двадцать восемь норм за двести смен – и сбежал. Через вентиляцию. Долго они его ловили, сволочи, стреляли вверх, потом на поражение, кричали «крыса, крыса!», но так и не поймали. Вернулись ни с чем, сволочи. А Колян вернулся к Генералу.

Луна спряталась за тучи. Колян вышел из-за дерева и пошёл дальше. А его Милка, вспомнил он, так ходить не может, она городская. Но и она тоже читать не умеет, их там тоже не учили. И ещё: Милка гайки не раскладывала, не женское это дело, а у них были ускоренные курсы по кройке и клейке конвертов. Милка заклеила неправильно, и её выгнали. Потому что она нарочно так сделала! Милкина мать молчала, а отец страшно кричал: дура поганая, зачем ты нас позоришь, ты что, хочешь, чтобы меня с работы выгнали, а как мне семью кормить?! И Милка, чтобы их не подставлять, сбежала из дому, отец подал в розыск, с него сняли пятно, так это у них называется, и он остался на своей работе. А работа у него непыльная: он должен ровно два раза в минуту, когда мигнёт лампочка, переложить один лист бумаги с одного края стола на другой. И так целый день. И всё! Лафа какая! И ему за это полагается двойной паёк и льготы третьей средней категории. Колян удивлялся, спрашивал, зачем это нужно санитарам, какая им от этих бумажек польза, на что Милка отве-

чала, что санитарам ничего этого, конечно, не нужно, ни отцовых бумажек, ни Коляновых гаек, а они только пытаются приучить нас к своему порядку. Мы что, спросил тогда Колян, у них вроде больничных крыс, так, что ли? Примерно так, сказала Милка, но что делать? А ты что сделала, спросил Колян. Я дура, ответила Милка. И вот теперь он ей за это, что ли, несёт генеральшины туфельки?!

И вдруг подумалось: а донесёт ли он? А что! На нём же сдатчик, значит, санитары про него всё знают. Но санитарам эти туфли не нужны, у них в городе этого добра навалом, а вот деревенским, этим да, этим хотелось бы такие заиметь, и ещё как. Бабы у них очень завидующие и на городское падкое, санитары это знают. И они, смеху ради, сейчас поговорилке скажут: эй, пост четыре-бэ, как слышно, мимо вас земляк идёт, а с ним товар фартовый, бабы туфельки, с вас три банки молока – и туфли ваши. Эти, конечно, сразу согласятся, а те поднимут вертихвост, начнут чесать над лесом взад-вперёд, смотреть по тепловизору, засекут и выдадут координаты, где искать. Но это вряд ли, подумал Колян, не станут они ради одних туфелек вертихвост поднимать. Да и зачем это им столько шуму? Вон, Байщик говорит, что они уже давно везде, где им нужно, расставили, скрытно, конечно, такие хитрые штуковины, которые смотрят, где, кто и зачем по лесу ходит. То есть, как теперь понятно, тоже что-то вроде сдатчиков.

Но это, тут же подумал Колян, Байщик, может, даже спе-

циально для распускания паники рассказывает, а они ему за это консервы сбрасывают, допаяёк, вот как оно на самом деле. А что! Байщик гнилой человек, сколько раз Колян к нему подкатывался, просил научить читать, а Байщик смеялся, отвечал: тебе нельзя, ты ещё злее станешь и сотворишь такое, что нас за это всех перестреляют, нет, Колян, таким, как ты, лучше не учиться грамоте, так оно будет спокойней. Сволочь! И Генерал такая же сволочь! Вон какой у него шрам! Там, может, такой же здоровенный сдатчик! Потому что Генералу есть кого сдавать, ему обычного сдатчика мало. Он же так и говорил: Колян...

И тут Колян остановился. И задумался. Нет, здесь что-то не так, сердито думал он, Генерал не сволочь, Генерал это что-то другое, просто Колян его не понимает. А Генерал это чует и поэтому и говорит: думай, Коляша, думай! Колян осмотрелся, отступил на шаг, сел на бугор, поставил на землю коробку. Вдруг опять вышла Луна, стало светло, даже очень, а тут же где-то совсем рядом деревенский караульный пост, будут идти мимо со смены и увидят.

Ну, это уже как у них получится, сердито подумал Колян, значит, такая у него судьба – и поднял правую руку, закатал на ней рукав и стал рассматривать шрам. Шрам был маленький, едва заметный. А у Генерала здоровенный, опять вспомнилось Коляну. Ну, это легко исправить, тут же подумал он, достал заточку и примерился, а после сжал кулак, напряг мышцы, ткнул заточкой в шрам и начал резать – осто-

рожно. Но кровищи оказалось много. Ничего, пускай пока течёт, сердито думал Колян, ковыряясь заточкой всё глубже и глубже. Так он ковырял, ковырял... И зацепил-таки! И начал доставать!

И вот достал. Это была небольшая фиговина, непонятно из чего сделанная, но довольно крепкая, такую в мягкой земле не раздавишь. Поэтому Колян не стал топтать её ногой, а сперва её малость оттёр, после сунул в рот, на коренные зубы, они широкие, удобные, сжал челюсти, потом ещё раз, ещё, а потом ударил снизу кулаком – и сдатчик хрустнул и лопнул, и раздавился на части. Колян сдвинул части языком и выплюнул. Вот теперь хрен вам, а не сдатчик, сволочи, теперь ищите меня, заищитесь, злорадно подумал Колян и даже негромко засмеялся, но быстро опомнился и посмотрел на руку. Рука была в крови, кровь продолжала течь. Здоровенный будет шрам, с гордостью подумал Колян, не меньше, чем у Генерала. И сжал рану левой рукой, немного подождал, потом наклонился, сорвал с земли лист пошире, рассмотрел его, прилепил к ране, застегнул рукав, взял коробку и пошёл. Шёл и улыбался – просто улыбался, был собой доволен, шёл домой, нёс Милке туфельки, Милка будет очень рада, вот и всё, о чём он тогда думал.

А потом он и об этом думать перестал, а просто шёл себе по лесу, просто спешил домой, и всё. Так он прошёл уже больше половины дороги, уже миновал то место, где утром встретил Байщика, а после и то, где на него налетел верти-

хвост. После прошёл ещё шагов немало...

И вдруг подумал: дома его ждут. Дома засада. Убить его хотят, вот что! И засада там давно, а Милка ничего не знает, она легла спать, а запереться забыла. Да это, впрочем, и неважно, она им не нужна, они же за ним пришли, они его убьют, у них такая команда: убить! И убьют. Поэтому надо тикать, пока не поздно, разворачиваться и тикать куда попало! Он же чувствует: там засада!

Но это он так только думал, а сам по-прежнему шёл прямо к дому. Ему было очень страшно, он понимал, нужно тикать, Милка – городская дура, их там, этих Милок, столько, что не сосчитать, надо будет, сходит и возьмёт себе другую, а пока тикать надо немедленно, любой ценой тикать!

А он шёл и шёл. Как околдованный – прямо к засаде. Зачем ему туда идти, думал Колян, его там, как пить дать, убьют. Если санитар пришёл убить, то он обязательно убьёт, потому что у него такой приказ. Да у них других приказов и не бывает, все они такие сволочи. Был только один не такой, да и то он не зря говорил: какой я тебе санитар, я не санитар, я доктор, и я тебе живо хромосомы выправлю! Долго он с Коляном возился, ох, долго, может, недели три, не меньше. Посадит перед собой, на столе карточки разложит и спрашивает, какая из них больше всех, какая меньше, где зелёная, где синяя, трава какого цвета, а вода какого, а солнце, а сколько у собаки лап, а ушей – и прочую такую же херимурду. А Колян с серьёзным видом отвечал, нарочно нев-

попад, доктор злился, вскакивал из-за стола, кричал: зачем ты это делаешь, земляк поганый, какая тебе от этого польза?! А Колян ему на это отвечал: а вот так хочу и так отвечу! Тогда доктор ему и сказал про хромосомы. Колян рассмеялся. Доктор закричал ещё страшней: замолчи, скотина, убью током! Колян ответил: убивай. Доктор сразу успокоился и замолчал, потом спросил вполголоса: зачем вы такие упрямые, на смерть идёте, а из-за чего? Колян на это усмехнулся и сказал: а вы, лунатики, чем лучше, зачем вы людей убиваете, из-за чего? Ну, хотят люди жить по-другому, чем вы, ну так и дайте им это, вам что, жалко?! Доктор помолчал, поморщился и ничего на это прямо не ответил, а только сказал, что земляки не люди, а люди они, санитары, и никакие они не лунатики, потому что на Луне нет ничего, нет даже воздуха, там дышать нечем. А здесь есть! Колян разозлился, закричал: не хапайте наш воздух, не дышите, это не ваш воздух, а наш! Тогда доктор сунул в него электрошокером. Колян сразу упал и больше ничего не помнил. Но всё равно после очухался. И не унялся! А сразу же опять спросил: зачем вы, сволочи, нас убиваете? На что доктор усмехнулся и уже прямо ответил: мы не убиваем, а проводим отбраковку. Ты думаешь, сказал он дальше, мы всеильные? А вот, как видишь, нет, и наша наука ещё не достигла таких высот, чтобы возиться с вами, поэтому это для нас пока ещё экономически невыгодно и логически бессмысленно. Сказал и засмеялся, очень нагло. И Колян этот смешок ему потом припомнил – в

тот вечер, когда убежал, забежал к нему в лабораторию, свалил его на пол, приставил шприц к горлу и спросил: ну что, экономически? А вот хочю и не убью!

И не убил, а так сбежал. Генерал, когда узнал об этом, очень сильно гневался, хотел поставить к сосне, но после всё-таки смягчился и сказал: это молодость, с годами поумнеешь. Ну, может, он и прав, подумал Колян, не сбавляя шага, может, и в самом деле надо было доктора убить, кто знает.

А вот сейчас как бы его самого не убили, подумал Колян, подходя к своей поляне. Было светло, Луна светила очень ярко. Колян затаился в кустах и долго вслушивался, всматривался, внюхивался... Но так ничего не вынюхал и вышел на свет, прошёл мимо грядок с дурью, пригнувшись, конечно, шнырнул к крыльцу, потянул за ручку люка – и люк сразу легко открылся. Вот Милка, сердито подумал Колян, не закрылась, дура, как всегда, а если вдруг санитары? А даже просто собаки? Ну да может это даже хорошо, подумал Колян, спускаясь в землянку, ей же сейчас с тяжестями лучше не возиться, не закрыла – ну и не закрыла, не беда. И не беда, подумал Колян дальше, если она и в светлице потолочное окно сверху щитом не заложила, щит же такой тяжеленный, что и не брюхатый, с ним возившись, может надорваться, а она брюхатая, ей нужно беречься, это первой всего. Колян осторожно тронул дверь, она беззвучно открылась, и Колян вошёл в светлицу. Там и в самом деле потолочное окно было не задвинуто, в него светила Луна и в лунном свете была

видна Милка, которая лежала на лежанке, завернувшись в шкуры, и спала. Колян крадучись подступил к столу и поставил на него коробку с туфлями. Вот будет радости, подумал Колян, когда Милка проснётся.

И вдруг услышал Милкин голос:

– А что там? Что принёс?

– О! – сказал Колян, поворачиваясь к Милке. – Так ты не спишь?

– Уснёшь тут! – ответила Милка. – Тут же собаки приходили, целой стаей, и все такие здоровенные! Вы же набросали там, возле стола, всяких объедков, ну, и они там устроили. Я чуть отбилась. – И тут же опять спросила: – А что там у тебя?

– Так, – нарочито безразличным голосом ответил Колян. – Херимурда одна. Взял ради баловства.

Милка почувяла подвох, приподнялась на лежанке, ещё раз посмотрела на коробку, соскочила на пол, кинулась к столу, открыла крышку...

И тихо, утробно заурчала! После, очень осторожно, взяла одну туфельку в руки и начала её рассматривать. Колян смотрел на Милку, улыбался. Милка, не сводя глаз с туфельки, спросила:

– Кому это?

– Тебе.

Милка посмотрела на Коляна, улыбнулась и ещё спросила:

– Где взял?

– Генерал дал.

Милка смотрела на Коляна и уже ничего не спрашивала. Только руки у неё стали дрожать, а вместе с ними дрожала и туфелька.

– Ты чего?! – сказал Колян. – Дал! Разве это плохо?

– Где вы такое смогли взять? – сказала Милка. – Убили кого, или что?

– Кончай дурное говорить! – строго сказал Колян. – Скажи ещё, что это с расстрельного тупли.

– А с кого? – спросила Милка.

– Я не знаю! – ответил Колян. – И вдруг очень сердито продолжил: – А харчи от робертов, это за что? Чего ты про это ничего не спросила? А мутантеров нажарить, это как?!

– Ты на меня не ори! – грозным голосом сказала Милка, убирая туфельку обратно в коробку. – У тебя спрашивают, ты отвечай, – продолжила она, уже опять глядя Коляну прямо в глаза. – Ну! Откуда это у него?

– Из-за стола, – сказал Колян. – За сундуком лежали. Сверху радио, они под радио.

– А радио при чём? – спросила Милка.

– Мы его слушали, – сказал Колян.

– И что услышали?

– Да ничего пока. Но скоро услышим. Команда будет нам по радио. Резать всех санитаров, крушить робертов, сбивать вертихвосты, жечь деревни.

– Сумасшедшие, – сказала Милка. И тут же спросила: – А города чего? Что с городами делать будете?

– Про города приказа пока не было, – сердито ответил Колян. – Сперва надо с деревнями разобраться.

– Ну, сумасшедшие! – опять сказал Милка. – Сумасшедшие! – И опять повернулась к коробке, достала туфельку, подняла одну ногу, поставила её на край лежанки и приставила к ней туфельку. Нога и туфелька были примерно одинаковые по длине.

– А у него глаз набитый, – сказала Милка, наверное, про Генерала. Потом опять спросила, теперь уже точно про него: – За что он нам их отвалил?

– За робертов, – сказал Колян. – За быстроту и натиск, как он говорит. Ну, и ещё: тебе, сказал, Колян, жму руку, а Милке передай вот это. Очень довольный он был. Ну, и я тогда сказал ему ещё вот это: что зимой нам надо будет...

– Ну, и дурак! – строго сказала Милка. – Зачем раньше времени болтать?

И, так как она была босая, сразу стала мерить туфельку, вертеть носком, посверкивать глазами, облизывать губы. Потом взяла со стола вторую туфельку, надела и её, встала на носки, потом на каблуки и улыбнулась. Милка была тогда простоволосая, в старой длинной коляновой рубаше и в генеральшиных туфельках. Какая же она красавица, с радостью подумал Колян, а вслух сказал иначе:

– На хрена они тебе? Где ты будешь в них ходить?

– Везде! – сказала Милка, сердито сверкая глазами.

И опять стала смотреть на туфельки. Коляна взяла злость, и он сказал:

– Дура! Нас, может, уже завтра прикончат, а тебе эта хрень на уме. Хотя, меня – так ещё неизвестно, а тебе точно будет хрюк.

– Почему мне одной? – спросила Милка, продолжая рассматривать туфельки. – А ты чё? Сбежишь?

– Да нет, – сказал Колян. – Я не сбегу. Меня они просто не найдут. Не смогут найти, вот что! А тебя, как тетерю, цоп – и в суп!

Милка перестала смотреть на туфельки, подняла глаза, посмотрела на Коляна и медленно, по-городскому, со значением, сказала:

– Так, так! А ну давай подробнее! Мне интересно стало!

– Да чего подробнее, – сказал Колян. – Меченые мы все, вот что. В каждом из нас сидит сдатчик. Сдатчик это такая машинка, вроде радио, и он, сволочь, все про нас передаёт: и где мы прячемся, и чего хотим, и чего один другому говорим. Ты представляешь? Он отсюда всё передаёт, а они там, у себя, на блокпосту, всё слушают. Им про нас всё известно. Про каждого! И как им только кто-то из нас надоест, или просто чья-то очередь подходит, они сразу вжик-вжик сигнал, присылают робертов...

– А мы их грибами! – закончила Милка и, наклонившись, стала снимать туфли.

– Ха, грибами! – повторил Колян. – Да знали они всё и про твои грибы, только я один не знал. Просто не нужны им были эти роберты, вот они и послали их к нам на ликвидацию. А станем мы им не нужны, они сами за нами придут.

Милка поставила туфли в коробку, помолчала и сказала:

– Туфельки ты деловые принёс. А вот сам ты как больной вернулся. Что вы там сегодня пили? Или курили что?

– Дура! – сердито воскликнул Колян. – Ей дело говоришь, а она зубы скалит.

– Ничего я не скалю! – обиделась Милка. – Скажи ясно, вот и все дела.

– Что тут неясного, – сказал Колян. – Санитары, когда нас испытывают, тихонечко подсовывают нам эти свои сдатчики. Всем они их подсовывают, ясно? И Генералу подсунули, и Байщику, и мне, и тебе. И вообще всем-всем.

– Что-то я ни разу ничего подобного не видела, – сказала Милка. – Да и не слышала я про такое.

– А он очень маленький, – сказал Колян. – И они вначале накачают тебя дурью, а уже только потом его подсовывают, когда ты ничего не замечаешь. Под кожу зашивают. Вот, смотри!

Колян закатал рукав. Рука была вся в запёкшейся крови.

– Ой, – тихо сказала Милка. – Что это?

– Это я здесь сдатчик выковыривал, – сказал Колян. – Чтобы они меня больше не чувляли, сволочи.

И он тронул рану. Из раны опять пошла кровь.

– Эй! – сказала Милка. – Ты чего? Вправду сумасшедший, что ли? Перестань!

Колян сжал края раны пальцами, подержал немного, отпустил. Теперь кровь уже почти не шла. Милка смотрела на Коляна и чуть заметно дрожала.

– Такие вот дела, – сказал Колян. – И у Генерала тоже так же. Он свой сдатчик тоже вытащил. А остальные нет, потому что ничего ещё не знают.

– И я, что ли, тоже не знаю? – спросила Милка.

– Ну, это легко исправить, – хмурым голосом сказал Колян. – Дай руку!

Милка попыталась вырваться, но Колян цепко схватил её и потянул на себя. И завернул ей руку. Вывернул. Милка заныла. Колян повернул её руку к окну, к Луне, и увидел чуть заметный след.

– О! – радостно сказал Колян. – Вот он! Не шевелись!

– Коля! – прошептала Милка. – Мне нельзя. А вдруг я выкину?

– А вдруг они завтра придут, тогда что? Не вертись. Не вертись, я говорю! А то ещё промахнусь. И что тогда дитя?

Милка послушно замерла. Колян повернул её ещё сильнее к свету и сказал:

– Да и не больно это. А теперь зубы сожми. Сожми крепче!

Милка сжала. Колян достал заточку и примерился, рука его сильно дрожала, тогда он тоже сжал зубы, тоже как можно крепче, и саданул в Милку заточкой – прямо в шрам-

чик. Милка ойкнула, но, главное, не дёрнулась. Колян разрезал кожу и начал колупать заточкой, искать сдатчик. Милка смотрела на Коляна и молчала, в глазах у неё были слёзы. Колян подцепил сдатчик и сказал:

– Готово. Потерпи ещё.

И вытащил. Сдатчик был такой же – маленький и неказистый, весь в крови. Милка зажала края раны и неотрывно смотрела на сдатчик. Колян вытер его и положил себе на ладонь.

– Гадость какая! И во мне сидела! – тихо сказала Милка.

Колян усмехнулся, сунул сдатчик себе в рот, на коренные зубы, и ударил снизу кулаком. Сдатчик сразу лопнул. Колян его выплюнул на пол, гордо усмехнулся и сказал:

– Вот и всё.

– Что всё? – тихо спросила Милка.

– А то, – сказал Колян, – что теперь они ничего про нас не знают: ни где мы, ни про что мы говорим. Мы теперь вольные, Милка!

Милка смотрел на него, молчала.

– Вольные мы. Вольные! – ещё раз сказал Колян...

И вдруг ему стало страшно. Так страшно, что всего перекосило. Засада, опять думал он, убить их хотят, вот что! Милку убить хотят, скотины! Или опять почудилось? Нет, не почудилось, а он нутром почуял – сейчас будет смерть! Он схватил Милку за руку, крикнул:

– Дура! Бежим! Засада! – и поволок к двери.

– Ты что? С ума сошёл? – кричала Милка. – Мне так нельзя! Пусти!

Но Колян её не слушал – волок по землянке. После пихал вверх по скобам, выталкивал, как мог, и вытолкнул, сам вылез следом, схватил её за руку и потащил мимо грядок, запрыгнул за бугор, рванул к себе...

И вовремя. Потому что тут же гроыхнуло так, что аж земля задрожала! И полыхнуло на полнеба! Занялось огнём! Колян лежал, прижимал к себе Милку, смотрел на огонь и молчал. Горело там, где только что была землянка, сильно горело, очень. Всё пропало, подумал Колян, сколько строил, сколько собирал по щепочке, а теперь всё дымом выйдет. И что бы это могло так рвануть?

– Тол, – вдруг сказала Милка. – Это он так сдетонировал.

– Как тол?! – переспросил Колян. – Я же велел его под баней спрятать.

– Так там тогда собаки бегали, – сказала Милка, – и я снесла его в дом. Чтоб надёжнее.

Вот дура, сердито подумал Колян. А эти – сволочи! И вдруг почти сразу подумал, что ему ведь совсем не жалко, это как будто чужое горит, а ему всё равно. Только немного любопытно, отчего горит. И он опять спросил:

– Ну, ладно, тол, но отчего он вдруг рванул? Или они сразу так затеяли? Завели его на время, что ли?

– Могли и так, – сказала Милка. – Может, для того они и приходили, чтобы нам его подсунуть.

Колян хмыкнул, вспомнил камуфляжа и подумал: да, они могут всё что хочешь. Могут сдатчик тебе в руку вставить. И даже дом дадут тебе построить, но это будет не твой дом, а их. Это ещё один их сдатчик. Ну и что? Вот он теперь горит, а мы живые. Да пусть тут всё сгорит, даже не надо будет выковыривать!

– Коля, – сказала Милка. – У нас ничего не осталось, всё сгорело. Как теперь дальше жить?!

– А зачем дальше жить? – сказал Колян. – Может, лучше сначала начать? Как же теперь старое отстроишь? Вон как оно горит! И так бы и мы там сгорели. – Тут он даже усмехнулся и продолжил: – И, может, мы и сгорели. Никто же нас теперь не чует старых, мы же теперь без сдатчиков.

– И что? – опасно спросила Милка.

Колян подумал и сказал:

– Надо нам, покуда они не хватились, уходить отсюда. На-совсем.

Милка смотрела огонь, молчала. Потом вдруг вздохнула и сказала:

– Туфельки мои сгорели. Деловые они были. Очень!

Колян протянул руку, положил Милке на живот и замер. Но и дитя тоже замерло, не шевелилось. Колян помолчал ещё немного и сказал:

– Байщик рассказывал, что он читал в своих бумажках, и Генерал подтвердил, сказал, слышал по радио, что есть такие глухие места, куда не то что роберты, но даже санитары не

суются. Там вообще нет никого. Но полгода дотуда идти.

– Через полгода я рожу, – сказала Милка.

– Вот и хорошо! – сказал Колян. – Как раз успеем.

Милка насупилась. Пожар продолжал разгораться. Колян улыбнулся и прибавил:

– Байщик не дурак, голова у него варит. И Генерал у нас что надо. Вчера научили, как консервы с вертихвоста добывать. Так что мы с тобой теперь не пропадём. Давай!

Он встал, подал Милке руку. Милка взялась за неё, поднялась и сказала:

– Ой, Коля, в такую ночь!

– Ночь, это хорошо, – сказал Колян. – Днём они нас сразу засекали бы. А так и искать не будут. Подумают, что подорвались мы. Повычёркивают нас отовсюду, выкинут из картотеки, вот и всё. Пойдём! Не бойся!

И они пошли. Куда? Колян велел молчать. На всякий случай. Народ же к нас сами знаете какой, чуть что – сразу заложат.

Рассказы

Я и все остальные

Меня зовут Эй-би – и дальше длинный двенадцатизначный номер, называть который я не стану. Ведь это же совершенно неважно, какой у меня номер, а важно, кто я такой. А я – мозг, правда, уже не помню чей. Или нет, что я такое говорю! Никогда я не был чьим-то, а это у меня когда-то было своё тело, но так давно, что данным обстоятельством вполне можно пренебречь. И тогда мы реально имеем вот что: я – просто мозг, без ничего лишнего, и помещённый в прозрачную ёмкость. Я нахожусь в этой ёмкости во взвешенном состоянии, то есть плаваю в питательном физрастворе, кажется, в фурацилине. Хотя в фурацилине вряд ли, в нём я бы давно сдох, потому что поместить в фурацилин – то же самое, что сразу заспиртовать насмерть, а я ведь живой.

И ещё как живой! Ходит тут один гад в зелёном халате и с интересом на меня поглядывает. И не только на меня, нас у него много на полках и на столах. Он над нами издевается, или, научно выражаясь, экспериментирует. То есть он то свет на тебя направит, то кислороду в банку накачает, а то подключит к тебе электроды и начинает тестировать. Это когда тебя всего колотит, трясёт, бросает то в жар, то в холод, а он

только смотрит на монитор, как там ломаная линия скачет, и подбородок почёсывает. Иногда радуется, иногда хмурится. Со временем я сделал вывод, что чем линия сильнее скачет, тем ему радостней. У моего соседа скакала не сильно, и этот гад в халате очень злился. Ходил вокруг соседа, хмурился, пытался исправить. А исправлял он так: наставил к соседу каких-то приборов, насовал к нему в банку присосок, электродов, тестеров, инфоприёмников, направил пучки поляризованного света, включил ультразвуковые пушки... А всё равно не получалось! Сосед только бледнел, его извилины корчились, глубина их падала, кривая монитора неуклонно выпрямлялась, всплески на ней становились всё слабее и слабее, сосед скукожился, перестал выдавать импульсы, линия перестала дёргаться и застыла как неживая. Гад встал, сунул руку в соседскую банку и отключил соседа от всех датчиков. Сосед ещё раз дёрнулся, потом окончательно размяк и медленно опустился на дно. Гад нетерпеливо постучал костяшками пальцев по столу. Подошла лаборантка, перелила соседа из банки в ведро и вынесла из лаборатории.

– Сдох! – сказал гад.

Я к тому времени уже умел слушать. Точнее, читать по губам. Губы у гада были тонкие и бледные, не то что у лаборантки. У той они были яркие, толстые, блестящие, и ещё она их постоянно облизывала, особенно если гад смотрел на неё. Из прежней своей жизни я догадывался, зачем она это делает, но молчал. Да и как бы я сказал, я же не могу созда-

вать звуковые волны, да и, главное, для чего мне в это ввязываться? Не моё это дело – кто и для чего облизывает губы. А вот что соседа вылили в ведро, это меня очень насторожило. Сегодня вылили его, а завтра могут вылить и меня. О других, которых тоже могли вылить, я не думал, пусть они сами о себе подумают, а вот о себе я думал тогда очень долго. Уже выключили свет и все заснули, а я не спал. Я пытался понять, что случилось. В чём главная причина, думал я, и, получалось, в том, что гад разгневался. Потому что как только разгневался, так сразу отключил соседа от проводов, и тот, лишённый их подпитки, сдох, как выразился гад. А то, что потом пришла лаборантка, что она с полнейшим равнодушием подняла банку, перевернула её кверху дном и выплеснула соседа в ведро, это уже ничего не решало, сосед был уже мёртв. А умер он из-за того, что разгневал гада. А гад разгневался из-за того, что кривая на соседском мониторе выпрямилась в линию. Значит, если также выпрямится и моя, то и меня выльют в ведро. И вынесут отсюда, и там где-нибудь сольют в канализацию. То есть, подумал я, вот как решается эта проблема, очень просто – нужно, чтобы линия скакала, и тогда гад будет доволен и не станет меня мучить. Оставалось только проверить эту мою гипотезу на практике.

И уже на завтра у меня появилась такая возможность, потому что как только открыли окна и в лаборатории стало светло, сразу же явился гад и начал нас испытывать. Тут, кстати, надо отметить, что моё место – на одном из самых

первых стеллажей, возле входной двери (не зря же у меня имя начинается с эй-би), поэтому прошло совсем немного времени, как гад остановился передо мной, осмотрел меня как старого знакомого, и даже, как мне показалось, подмигнул мне, включил панель...

И я, напрягшись, выдал первый импульс. Линия на мониторе подпрыгнула. Гад удивлённо посмотрел на меня, вновь повернулся к панели управления и не успел ещё коснуться её, как я выдал сразу целую серию импульсов. Кривая начала скакать как сумасшедшая. Гад резко повернулся ко мне, высоко поднял брови и громко позвал лаборантку.

Это меня очень напугало. Я подумал, что сейчас и меня, непонятно из-за чего, перельют в ведро и унесут в дезактиваторскую. Я замер и не шевелился. Хотя какие тут могут быть шевеления, когда у тебя нет тела, а есть только мозжечок, от которого нет никакого толку. Поэтому я просто находился, как всегда, в неподвижном взвешенном состоянии и уже не выдавал никаких импульсов, хоть гад издевался тогда надо мной как хотел. Он то что-то включал, то выключал, фильтровал, зашкаливал...

Но я, повторяю, не выдал ни импульса.

Пришла лаборантка. С ведром. Гад, судя по его губам, сказал, что этого не может быть. И добавил ещё что-то. Лаборантка пожала плечами. И она так пристально смотрела на него, что я даже подумал, что как это он может такого не замечать. Но, опять же повторяюсь, это совершенно не моё

дело, кто чего замечает, а кто чего нет.

А дальше тогда было так: он достал сигарету, она протянула ему зажигалку, и он закурил. Пальцы у него сильно дрожали. И ещё вот на что я обратил внимание – пальцы у него тонкие, почти бескровные, такие только и годятся на то, чтобы держать сигарету или тыкать в клавиатуру. А ты вот подними весло да сперва откинись вместе с ним, гневно подумал я, а после навались на него грудью и крикни «в-ва!», крикни вместе со всеми своими товарищами, крикни так, чтоб уши заложило! А так что, сидишь себе и дым пускаешь, а вот я в былые времена...

Хотя этих времён, может, и вовсе не было, а я их нафантазировал. Но тогда откуда бы взялась эта фантазия, если я всё время своего существования проторчал в этой чёртовой лаборатории? Откуда тогда у меня появился этот так называемый жизненный опыт, отчего бы я так волновался, когда в лабораторию входит эта дура-лаборантка? Да разве бы она меня могла заинтересовать, будь я только чистый мозг, никогда не знавший тела? Да плевать бы я на неё хотел! А так нет! Сколько всякого народа к нам сюда то и дело заходит, у гада же полно приятелей, начальства, проверяющих, есть среди них и женщины, особы противоположного пола, но почему-то ни одна из них, а только эта дура-лаборантка...

Почему?! Да потому что я когда-то был не просто полудохлым мозгом, а у меня было тело, и даже не просто тело, а самая что ни на есть гора мускулов! Ну а мой мозг, то

есть сегодняшней я, тогда помещался у меня-прошлого где-то между бровями, а всё остальное, даже в черепе, это были мускулы. И это разумно. Ибо зачем мне тогда был нужен большой сильно развитый мозг? Что бы я им делал, какие задачи решал? Думать мне тогда было совсем не нужно, за меня всё обдумывали те, что располагались на самой верхней палубе, а мы, уже даже не знаю, на какой по счёту палубе вниз, могли ни о чём не думать, ибо еду и питьё нам подавали просто так, задаром, регулярно и в определённое время, а нашей задачей было одно: вначале всем вместе встать и потянуть на себя весло, упасть на лавку, потом подняться, навалиться грудью...

Но всё по порядку. Так вот, самое давнее моё воспоминание – о том, как я работал на планетарной водяной мельнице роторного типа, как говорил наш инженер. Это была очень тяжёлая работа, мы ведь должны были раскручивать планетарную ось, ни на секунду не останавливаясь, днём и ночью, строго с одной и той же угловой скоростью. Да, что и говорить, задача была не из простых. Но и нас было тридцать миллионов, мы сидели не знаю во сколько тысяч рядов и трудно сказать во сколько палуб, по сто гребцов на каждое весло. Все мы были силачи как на подбор, горы мускулов, руки как клещи. Мы дружно вставали, все разом, все сто гребцов с одним веслом, и, навалившись на него, кричали «в-ва!» – и весло загребало волну, волна закипала, а мы уже рвали весло обратно. Мы были молоды и честолюбивы.

вы, нас кормили очень сытно, точно в срок, мы ни на что не отвлекались. Да и что могло нас отвлекать, когда весь наш мозг, у каждого, умещался, как я уже говорил, в ямке между бровями, а всё остальное было мускулы, они так и играли под кожей, как проглоченные кролики, и мы считали – нам так говорили, – что мы движем мир, вращаем планету, она вращается вперёд, мы демиурги, чёрт нас побери, кричали мы, дружно вставали с лавки, играя кроликами мускулов, ротор вращался, скрипели ремни, клацали шестерни зубчатых передач, грохотали приводные цепи, они были невероятной толщины, ибо только такие и могли сдержать то напряжение...

И вдруг нагрянула буря. Говорили, что это потоп. Нет, не говорили, а кричали, потому что говорящего никто бы не расслышал, такой тогда поднялся вой ветра и так громоподобно бушевали волны, они врывались через клюзы и заливали палубу за палубой, ротор вращался с перебоями, всё медленней, ибо у нас уже не хватало сил равномерно проворачивать его, вёсла ломались как щепки, наименее стойкие из нас вскакивали с мест и пытались сорвать с себя оковы, которыми они были прикреплены к лавкам. Сорвать оковы, даже при наших мощных мускулах, было нерешаемой задачей. Но даже если это кому-то и удавалось, а после удавалось прыгнуть за борт и там по бушующему морю добраться до берега, то это ничуть их не спасало, ибо их там убивали местные жители, которые при этом ещё и кричали, что

все их беды из-за нас, что это мы вызвали потоп, ибо в продолжение всего последнего тысячелетия раскручивали планетарную ось в неверном направлении! Но так это было или нет на самом деле, я не знаю, потому что именно на этом месте мои тогдашние воспоминания обрываются. Хотя, может, и не было никакого потопа, а это просто такая у меня фантазия. Мне даже очень хочется, чтобы моя работа на мельнице оказалась фантазией, ибо всё это было ужасно. Единственное, о чём я из всего тогдашнего вспоминаю с удовольствием, так это о напряжении мускулов, об усталости, переходящей в полнейшее изнеможение. Это было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.